

P. o. russ.

63

p

I-932-16.44 5-

P.O. russ 63⁴

27

~~500~~

31

1479

20

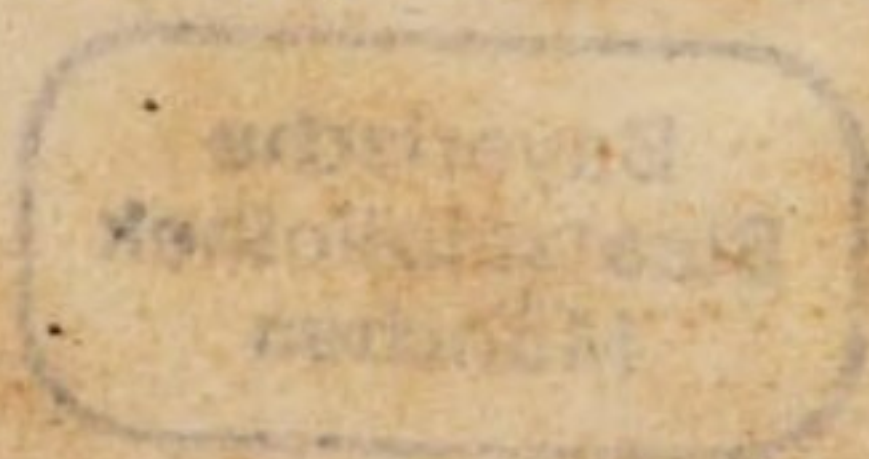
<36636724590011

<36636724590011

Bayer. Staatsbibliothek

СТИХОТВОРЕНІЯ

БАРОНА ДЕЛЬВИГА.

REPORT ON THE

PROGRESS OF THE

Bayerische
Staatsbibliothek
München

СТИХОТВОРЕНІЯ

БАРОНА ДЕЛЬВИГА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1829.

21092
N

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаваніи представлены были
въ Цензурный Комитетъ при экземпляра. С. Пешер-
бургъ, 26 Февраля 1829 года.

Цензоръ К. Сербиновичъ.

Ich singe, wie der Vogel singt,
Der in den Zweigen wohnet:
Das Lied, das aus der Kehle dringt
Ist Lohn, der reichlich lohnet.

GÖTTE.

REPORT OF THE

COMMISSIONERS

Bayerische
Staatsbibliothek
München

СТИХОТВОРЕНІЯ

БАРОНА ДЕЛЬВИГА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1829.

21092
M

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чшобы по оппечашаніи предспавлены были
въ Цензурный Комипетъ при экземпляра. С. Пешер-
бургъ, 26 Февраля 1829 года.

Цензоръ К. Сербиновичъ.

Ich singe, wie der Vogel singt,
Der in den Zweigen wohnet:
Das Lied, das aus der Kehle dringt
Ist Lohn, der reichlich lohnet.

GÖTTE.

Ich bringe dir die Nacht herein

Der in den Augen leuchtet

Das Licht, das aus der Seele dringt

Im Lichte der Vernunft leuchtet

1811

I.

ДАМОНЪ.

(Идиллія.)

Вечернее солнце кашилось по жаркому небу,
И западь, сліянный съ краями далекими моря,
Гошовый блестящаго Бога приняшь, загорался;
Въ долинахъ, на холмахъ звучали пасушьи свирѣли;
По холмамъ, долинамъ бѣжали спада и шумѣли;
Въ прохладѣ и блескѣ капилися воды Алфея.

Дамонъ, вдохновенный пѣвецъ, добродѣтельный спа-
рецъ,
Изъ хижины вышелъ и сѣлъ у дверей на порогъ.

Ужь семьдесятъ разъ онъ первыми розами лиру
 И длинныя кудри свои украшалъ, воспѣвая
 На праздникъ пышномъ весны и веселье и младость:
 А въ юности зрѣлой Камены его полюбили.
 Но старость, лишивъ его силъ, убѣливъ ему кудри,
 Ошнѣвъ у него не могла вдохновеннаго дара
 И свѣшлой веселости: ихъ добродѣтель хранила.
 И спарець улыбкой и взоромъ привѣпливымъ вспрѣ-
 шиль

Отвсюду бѣгущихъ къ нему паспуховъ и паспушекъ.
 Любезный Дамонъ, нашъ пѣвецъ, добродѣтельный
 спарець!

Намъ пѣсню ты спой, веселую пѣсню: кричали.
 Мы любимъ, послѣ трудовъ и полдневнаго жара,
 Въ тѣни близъ тебя отдыхашъ подъ веселыя пѣсни.
 Не самъ ли ты пѣлъ, что внушенныя музами пѣсни
 На сердце больное, усшало вѣющъ прохладой,
 Которая слаще прохлады, изъ урны Алфея
 Съ разсвѣшомъ лѣющей, слаще прохлады, лилеямъ
 Свѣжестъ дающей росы, и вина вѣковаго,
 Въ амфорахъ хранимаго дѣдами, внукамъ на радость?

Что, добрый? Не такъ ли ты пѣлъ намъ? Дамонъ
улыбнулся.

Онъ съ юности ранней до поздняго вечера жизни
Ни въ чемъ не отказывалъ дѣвамъ и юношамъ милымъ.
И какъ отказашь? Убѣдительно, сладки ихъ просьбы:
Въ прекрасныхъ устахъ и улыбка и рѣчи прекрасны:
Взглянуль онъ на Хлою, перстомъ погрозилъ ей и
молвилъ:

Смотри, чтобы не плакашъ! и ты попадешъ въ мою
пѣсню.

Взялъ лиру, задумался, къ солнцу лицомъ обратился,
Ударилъ по струнамъ и началъ хвалою безсмертнымъ:

«Прекрасенъ твой даръ, Аполлонъ, вдохновенныя
мысли!

Кого ты полюбишь, къ тому и рано и поздно
Въ смиренную хижину любящъ слезашься Камены.
О Эрмій, возвышенъ твой даръ: убѣдительность
рѣчи!

Ты двигаешь силою слова и разумъ и душу.

Какъ вашихъ даровъ не хвалишь, о Гименъ, о Паллада!

Что бѣдную жизнь услаждаетъ? Подруга и мудрость.
 Но выше, безцѣнный всего, Эросъ и Киприда,
 Даяніе ваше: красою цвѣщущая младость!
 Красивы шюльпанъ и гвоздика и макъ пурпуровый,
 Ясминъ и лилея красивы: но краше ихъ роза;
 Пріятны крылашихъ пѣвцовъ сладкозвучныя пѣсни:
 Пріятный полночное пѣнье швое, Филомела!
 Всѣ ваши прекрасны дары, о безсмертные боги!
 Прекраснѣе всѣхъ красою цвѣщущая младость:
 Прекрасный, проходчивый всѣхъ. Паспухи и паспушки!
 Любовь съ красою не жили: госпи земные,
 Блещашъ какъ роса, какъ роса и взлещаютъ на небо.
 А щещны безъ нихъ намъ и мудрость и даръ убѣ-
 жденья!
 Крылашихъ гостей не прикличешь и лирой Орфея!
 Всѣ, други, вы скажете скоро, какъ дѣдъ говоришь
 вашъ:
 Бывало, любили меня, а нынче не любяшь!
 Да вошь и вчера.... Чшо краснѣешь ты, Хлоя?
 Взгляните,
 Взгляните на щеки ея: какъ шиповникъ алѣютъ!

Глядите: по нимъ двѣ росинки, блестя покапились!
 Не вправду ль шебѣ говорилъ я: смотри чшобъ не
 плакашь!

И ты попадешь въ мою пѣсню: сказалъ, и исполню.»

И всѣ оглянулись на Хлою прекрасную. Хлоя
 Щеками горячими робко прижалась къ подругѣ,
 И шопотъ веселый и шумъ въ паспухахъ пробудила.
 Дамонъ, улыбаясь, на шумъ ихъ и шопотъ веселый,
 Громчей заигралъ и запѣлъ веселѣй и быспрѣе:

«Вчера, о друзья, у прохладной пещеры, гдѣ Нимфы,
 Игривыя дщери Алфея и ближнихъ пошоковъ,
 Разчесывашъ кудри зеленыя любящъ сходишься
 И вшоришь со смѣхомъ и пѣснямъ и кляшвамъ лю-
 бовнымъ,

Тамъ вспрѣшилъ я Хлою. Сшаринушка добрый, спой
 пѣсню:

Она мнѣ сказала: съ охотой, паспушка, съ охотой!
 Но даромъ я пѣсень не пѣлъ никогда для паспушекъ;
 Сперва подари чшо нибудь: я спою. Чшо могу я

Тебѣ подаришь? Вотъ вѣнокъ я сплела! О, пре-
красень,

Красиво сплелень твой вѣнокъ: но вѣнка мнѣ не
надо.

Свирѣлку возьми! Мнѣ свирѣлку! красавица? самъ я
Искусно клѣю ихъ воскомъ душистымъ. Такъ что же
Тебѣ подарю я? Возьмешь ли корзинку? мнѣ нынче
Ее подарилъ мой отецъ: а ты знаешь, корзинки
Плещеть онъ прекрасно. Но, дѣдушка, что же мол-
чишь ты?

Зачѣмъ головой ты качаешь? Иль этого мало?

Возьми же въ придачу ты овцу любую! Шалунья,
Шалунья, не знаешь въ свои годы, чѣмъ плапашь
за пѣсни!

Чего же тебѣ? Поцѣлуя. Чего? Поцѣлуя.

Какъ, этой бездѣлицы? Ахъ, за нее бы я опдалъ

Не только вѣнокъ и свирѣлку, корзинку и овцу:

Себя самого! Поцѣлуй же! Ахъ, дѣдушка добрый!

Всѣ овцы мои разбѣжались; чшобъ волкъ ихъ не
вспрѣшилъ;

Прощай: побѣгу я за ними. Сказала, и мигомъ,

Какъ легкая серна, какъ Нимфа дубравная скрылась.

Взглянуль я на кудри съдыя, ^{захнуль} взглянуль и промолвилъ:

Цвѣтъ бѣлый паспушкамъ пріятенъ въ нарцисахъ,
въ лилеяхъ;

А бѣлыя кудри паспушкамъ не милы. Вошь, други,

Вамъ пѣсня моя: весела ли, судите вы сами.»

Умолкъ. Всѣ хвалили веселую пѣсню Дамона;

А Хлоя дала поцѣлуй (шакъ хотѣли паспушки)

Сѣдому слагашелю пѣсней игривыхъ и сладкихъ:

И радость блеснула во взорахъ пѣвца. Возвращаясь

Къ своимъ шалашамъ паспухи и паспушки: о боги,

Молились, пошлише вы намъ добродѣтель и му-
дросшь!

Пусть весело встрѣшимъ мы старосшь, подобно
Дамону!

Пусть также безъ грусти, но съ тихой улыбкою
скажемъ:

Бывало любили меня, а нынче не любяшь!

II.

ОТВѢТЪ.

Зачѣмъ на меня пы и глупость и злобу,
 Плешневъ, вызываешь, нескромной хвалой?
 Къ чему величаешь любовью безсмертныхъ
 Проспаго пѣвца?

Такъ, были мгновенья низпосланы Фебомъ:
 Я плавалъ въ воспоргахъ, я небомъ дышалъ!
 Я пѣлъ — и мнѣ хоромъ, веселые, впоришь
 Любили друзья:

Я пѣль — но въ то время роскошная младость

Мнѣ жизнь озаряла волшебнымъ лучемъ :

Я вѣровалъ въ счастье, я жаждалъ любви,

Я славой горѣлъ!

И опытъ суровый смирилъ обольщенья,

Мой взоръ прояснился; но скрылись мечты,

За ними и счастье, и прелестъ любви,

И славы призракъ. —

Какъ слушалъ Лаерпидъ, привязанный къ мачтѣ,

Волшебныя пѣсни Скилійскихъ Сиренъ

И тщетно къ нимъ рвался — упрямая верви

Держали его :

Какъ я, швоей лирой печально плѣняясь,

Вошще порываюсь къ святымъ высокопамъ,

Знакомымъ бывало, и въ робкія струны

Напрасно звучу.

Напрасно у неба прошу вдохновеній:

Мнѣ пущь на родную спрану возбранень

И гласъ мой подобень унылому гласу,

Жеспокимъ спрѣлкомъ

Подспрѣленной пшицы, когда завываюшъ

Осенніе вѣтры и къ теплымъ спранамъ

Веселою спаей при кликахъ несущся

Подруги ея.

III.

ДВѢ ЗВѢЗДОЧКИ.

Со мною мать прощалася
 (Съ полкомъ я шель въ далекій край);
 Весь день лила родимая
 Попоки слезъ горючіе,
 А вечеромъ свела меня
 Къ сеспрѣ своей кудесницѣ,
 Въ дверь спукнула, нѣтъ опклика,
 А за дверью шелохнулось;
 Еще спучишь, огонь съкушь;
 Въ окно глядимъ, тамъ свѣпишся.
 Вотъ въ претій разъ спучишь, кричишь:
 — Ты скажешься ль, опкликнешься ль,

Опопрешься ль? — Нѣтъ опзываетъ!

Мы часъ споимъ, другой споимъ:

А за дверью огонь горитъ,

Дрова шрещатъ, кошлы кипятъ,

Ворчатъ, поютъ не руское.

Но полночь бѣтъ, все смолкнуло,

Все смолкнуло, погаснуло!

Мы ждашь, пождашь, дверь скрипнула,

Идешь, поешь кудесница:

« Туманъ, шуманъ! Въ шуманъ свѣтъ!

То, дишяшко, звѣзда твоя!

Туманъ тебѣ: не милый край;

Туманный свѣтъ: шуманно живишь.

Молись, молись! шуманъ пройдетъ,

Туманъ пройдетъ, звѣзда блеснетъ,

Звѣзда блеснетъ привѣтнѣе,

Привѣтнѣе, прилучнѣе! »

Ахъ, съ той поры въ краю чужомъ
Давнымъ давно я вѣдаю
Тоску - печаль, злодѣйку - грусть;
Злодѣйка - грусть въ душѣ живешь.
Такъ, спарая кудесница,
Туманъ, шуманъ не милый край!
Въ немъ пошню жишь мнѣ молодцу!
Но та звѣзда, та ль звѣздочка,
Свѣщи иль нѣтъ, мнѣ дѣла нѣтъ!
Въ краю чужомъ у молодца
Другія есть двѣ звѣздочки
Привѣшныя, прилучныя:
Глаза ль моей красавицы!

IV.

ГЕНІЙ-ХРАНИТЕЛЬ.

(Сновидѣніе.)

Грустный душою и сердцемъ больной, я на одръ
мой, недавно,

Кинулся, плакашь хопѣль—не могъ и ропшалъ на
безсмертныхъ.

Всѣ испытанья, всѣ муки, меня повспрѣчавшія въ
жизни,

Снова, казалось, и вмѣстѣ на душу, тяжелыя пали.

Я ушомился и сонъ въ меня усыпленіе пролилъ:

Вижу—лежу я на камнѣ, покрытый весь ранами,
цѣпи

Руки мои бременяшъ, надо мною спойшъ и ры-
даешъ

Юноша свѣпый, крылатый, созданье шворящаго
Зевса.

«Бѣдный поваришъ, шерпѣнье!» онъ молвилъ мнѣ.

(Сладость внезапно

Въ грудь мою полилась — и я жадно спалъ дивнаго
слушашъ).

«Я швой геній - хранишель! вижу улыбку укора,
Вижу болѣзненный взглядъ швой, спрадалецъ не-
винный, и плачу.

Боги позволили мнѣ въ сновидѣньи предупреннемъ
нынѣ

Горе съ шбой раздѣлишъ и ихъ оправдашъ предъ
шбою.

Любяшъ смершныхъ они, и ужъ радость по волѣ
ихъ ждешъ васъ

Съ мрачной ладьи приняшъ и вести въ обипель
награды.

Но доколѣ вы здѣсь, вы игралище мощнаго Рока;

Власный, законы ужасные пишетъ онъ Паркамъ
суровымъ.

Эрмій со мною (тебя еще не было) посланъ былъ
Зевсомъ

Мигъ возвѣспишь, когда имъ выпрястъ нишь швоей
жизни.

Вняли вельнью онъ и къ дѣлу руки просперли.

Я подошелъ къ нимъ, каждую собственнымъ име-
немъ назвалъ,

Низко главу наклонилъ и молилъ всѣхъ вмѣстѣ и
розно

Ровно нишь сію прясъ иль въ началъ ее перерѣзашъ.

Нѣшь! и просьбы и слезы были напрасны! Дико

Пѣсню запѣли онъ и въ перспахъ врешено закру-
жилось.»

V.

НА СМЕРТЬ В....ВА.

Дѣва.

Юноша милый! на мигъ ты въ наши игры вмѣ-
шался!

Розѣ подобный красой, какъ Филомела ты
пѣлъ.

Сколько любовь поперяла въ тебѣ поцѣлуевъ и пѣ-
сень,

Сколько желаній и ласкъ новыхъ, прекрасныхъ,
какъ ты.

Роза.

Дѣва, не плачь! я на прахъ его въ красоту разцвѣ-
шаю.

Сладость онъ жизни вкусивъ, горечь оставилъ
другимъ ;

Ахъ! и любовь бы измѣною душу пѣвца отправила!

Счастливъ, кто прожилъ, какъ онъ, вѣкъ
соловьиный и мой!

VI.

Н. И. ГНѢДИЧУ.

Муза вчера мнѣ, пѣвецъ, принесла закоцишную
новость:

Въ темный недавно Айдесь шѣнь Славянина
пришла;

Тамъ, окруженная сонмомъ шѣней любопытныхъ,
пропѣла,

(Слушаль и древній Омеръ) пѣснь Иліады
швоей.

Сшарець нашъ, къ персямъ жожапаго - юноши сладко
приникнувъ,

Вскрикнулъ: вошъ слава моя, вошъ чего вѣки
я ждалъ!

VII.

Э П И Т А Ф І Я.

Жизнью земною играла она, какъ младенецъ иг-
рушкой.

Скоро разбила ее: вѣрно ушѣшилась памь.

VIII.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. Н. В—ФЪ.

Въ судьбу я вѣрю съ юныхъ лѣтъ.
 Ея внушеніямъ покорной,
 Не выбралъ я спези придворной,
 Не полюбилъ я эпосъ
 (Наряда юности задорной),
 Но увлеченъ былъ мыслью вздорной,
 Мнѣ объявившей: ты поэтъ.

Всегда въ пуши моемъ шажкомъ
 Судьба мнѣ спутницей была,
 Она мнѣ душу ошвела
 Въ пріющъ дружества веселомъ,

Гдѣ васъ узналъ я, гдѣ ясный

Моя душа заговорила

И блескъ Гименовыхъ свѣчей

Пророчесвенно полюбила.

Такъ при уходѣ зимнихъ дней,

Какъ солнце взглянешь взоромъ вешнимъ,

Еще до зелени полей

Весны пѣвица въ краѣ здѣшнемъ

Плѣняешь пѣснію своею.

IX.

ВЪ АЛЬБОМЪ С. Г. К—ОЙ.

Во имя Феба и Харитъ
Я твой альбомъ благословляю
И, по внушенью Аонидъ,
Его судьбу предвозвѣщаю:
Въ немъ перескажешь дружба вновь
Всѣ увѣренья, всѣ мечшанья,
И безъ намѣренья любовь
Свои откроешь ожиданья.

X.

Р О М А Н С Ъ.

Друзья, друзья! я Неспорь между вами,
По опыту веселый человекъ;
Я пью давно; пилъ съ вашими опцами
Въ злые дни, въ Екатерининъ вѣкъ.

И въ насъ душа кипѣла въ ваши лѣшны,
Какъ вы, за честь мы проливали кровь,
Вино, войну намъ славили поэты,
Намъ сладко пѣлъ Мелецкій про любовь!

Не конченъ пиръ — а госпи разошлись,
Допировать одинъ оспался я:
И что жь? ко мнѣ, вы други, собралися,
Весельчаковъ бывалыхъ сыновья!

Гляжу на васъ: ихъ лица съ ихъ улыбкой,
И пошъ же споръ про жизнь и про вино,
И мнился мнѣ, я полагалъ ошибкой,
Что и любовь забыша мной давно.

ХІ.

РУСКАЯ ПѢСНЯ. ✕

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Гдѣ всю ночьку пропоешь?
Кшо-то бѣдная, какъ я,
Ночь прослушаетъ тебя,
Не смыкаячи очей,
Упоаючи въ слезахъ?
Ты лети, мой соловей,
Хошь за придевашъ земель,
Хошь за синія моря,
На чужіе берега;

Побывай во всѣхъ странахъ,
Въ деревняхъ и въ городахъ:
Не найши шебѣ нигдѣ
Горемышнѣе меня.

У меня ли у молодой
Дорогъ жемчугъ на груди,
У меня ли у молодой
Жарь-колечко на рукѣ,
У меня ли у молодой
Въ сердцѣ миленькой дружокъ:
Въ день осенній на груди
Крупный жемчугъ попустилъ,
Въ зимнюю ночку на рукѣ
Разпаялося кольцо,
А какъ нынѣшней весной
Разлюбилъ меня милой.

XII.

РУСКАЯ ПѢСНЯ.

Пѣла, пѣла пшашечка

И зашихла;

Знало сердце радости

И забыло.

Что, пѣвунья пшашечка,

Замолчала?

Какъ ты, сердце, свѣдалось

Съ чернымъ горемъ?

Ахъ! убили пшашечку

Злая выюги;

Погубили молодца

Злые полки!

Полетѣшь бы пшашечкѣ

Къ синю морю;

Убѣжаешь бы молодцу

Въ лѣсъ дремучій!

На морѣ валы шумящъ

А не выюги —

Въ лѣсъ звѣри лютые,

Да не люди!

XIII.

Л У Н А.

Я вечеромъ съ трубкой сидѣлъ у окна;
Печально глядѣла въ окошко луна;

Я слышалъ: пошoki шумѣли вдали;
Я видѣлъ: на холмы шуманы легли.

Въ душѣ замушилось, я дико вздохну^{Р62}лъ,
Я прошлое живо душой вспомянулъ!

Въ серебряномъ блескѣ вечернихъ лучей
Явилась мнѣ Лила, веселье очей.

Какъ прежде, шепнула коварная мнѣ:

Бытьъ вѣчно швоею клянуся лунѣ.

Какъ прежде, за шучи луна уплыла,

И насъ разлучила невѣрная мгла.

Изъ трубки я выдуль сгорѣвшій табакъ;

Вздохнулъ и на брови надвинулъ колпакъ.

XIV.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Други, други! радость
Намъ дана судьбой:
Пейте жизни сладость
Полною спруей.

Прочь отъ насъ печали,
Прочь толпа заботъ!
Юныхъ увѣнчали
Бахусъ и Эротъ.

Пусть трещать морозы,

Въпръ свисшишь въ окно:

Намъ напомнишь розы

Съ Мозеля вино.

Насъ любовь лелѣешь,

Насъ, въ молодые дни,

Какъ весна, согрѣешь

Поцѣлуй любви.

XV.

НА СМЕРТЬ СОБАЧКИ: АМИКИ.

О Камены, Камены всеильныя!
Вы внушите мнѣ пѣсню унылую;
Вы взгляните: въ слезахъ Амапузія,
Горько плачуть Амуры и Граціи.
Нѣтъ игривой собачки у Лидіи,
Нѣтъ Амики, прекрасной и ласковой.
И Діана, завидуя Лидіи,
Любовалась невольно Амикою.
Ахъ! она была краше, игривѣе
Рѣзвыхъ псовъ звѣроловицы Деліи.
Съ ея шерстью пуховой и вьющейся
Лучшій шелкъ Индостана и Персіи

Не равнялся ни лоскомъ, ни мягкоспью.
 Не дѣлила Амика любви своей:
 Нѣшъ! любила одну она Лидію;
 И при ней не приближьшесь вы къ Лидіи
 (Ахъ! и ревность была ей проспишельна!):
 Она вскочишъ, залаешъ и кинешся,
 Хошъ на Марса иль Зевса могучаго.
 Вошъ какъ нѣжностъ владѣла Амикою,
 И такой мы собачки лишились!
 Какъ на рокъ не ропшашъ и не плакашся?
 Семъ ужъ люспровъ спихами жестокими
 Бавій мучишъ гражданъ и власпишелей;
 А она и пол-люспра, невинная!
 Не была ушѣщеніемъ Лидіи.
 Ты рыдай, шы рыдай, Амапузія,
 Горько плачьше Амуры и Граціи!
 Ужъ Амика ушла за Меркуріемъ
 За Коцишъ и за Лешу печальную,
 Невозвращно въ обипель Аидову,
 Въ шѣ сады, гдѣ воробушекъ Лесбіи
 На рукахъ у Капулла чиликаешъ.

XVI.

КУПАЛЬНИЦЫ.

(Идиллія.)

« Какъ! ты заплакался! слушать не хочешь и
старого друга!

Страшное дѣло: Дафна тебѣ ни пол-слова не ска-
жешь.,

Пѣсень съ тобой не поешь, не пляшешь, почти
лишь не плачешь,

Только что встрѣпишь насмѣшливый взоръ Ликорисы,
и обѣ

Мигомъ краснѣешь, краснѣе вечерней зари передъ
вихремъ!

Взрослый ребенокъ, стыдись! иль не знаешь сѣдаго

Сашира?

Кто же младенца тебя баловаль? день цѣлый

бывало,

Бѣдный на холмѣ сидишь ты одинъ и смотришь

за спадомъ:

Сердцемъ и сжалюсь я; старый, приду посмѣяшься

съ побою,

Въ кости играя поспоришь, попьешь на свирѣли.

Что жъ вышло?

Кто же, какъ ты, свирѣлью владеешь и въ кости

играешь?

Самъ ты знаешь, никто. Изъ чьихъ ты корзинокъ

плоды ѣлъ?

Все изъ моихъ: я жимолость понкую самъ вы-

бирая,

Плель изъ нея ихъ узорами съ легкой, цвѣшною

соломой.

Пилъ молоко изъ моихъ же ты чашъ и кувшиновъ:

пыквы

Полныя, словно широкія щеки младаго Сашира,

Я и сушиль, и долбилъ, и на кожѣ рѣзалъ искусно
 Грозды, цвѣшны и образы сильныхъ боговъ и героевъ.
 То же никто не имѣлъ (могу похвалишься) подобныхъ
 Чашь и кувшиновъ и легкихъ корзинокъ. Часпо,
 бывало,
 Послѣ оргій вакхальныхъ другіе Сапиры спѣшили
 Либо въ пещеры свои, опдохнувъ на душистыхъ
 поселяхъ,
 Либо къ рощамъ пугать и преслѣдовать юныхъ па-
 спушекъ :
 Я же къ тебѣ приходилъ, и покой и любовь забывая;
 Пьяный, подъ пѣсню твою плясалъ я съ ученымъ
 козленкомъ;
 Рѣзвый, на заднихъ ногахъ вышупалъ и прыгалъ
 неловко,
 Трясъ головой, и на роги мои и на бороду злился.
 Ты задыхался отъ смѣха веселаго, слезы блестѣли
 Въ ямкахъ щечекъ надупыхъ : и все забывалось горе.
 Горе жъ какое тогда у тебя, у младенца, бывало?
 Тыкву мою разобьешь, изломаешь свирѣль, да и
 только.

Нынче ль тебя не утѣшу я? нынче ль оставлю?

повѣрь мнѣ,
Слезы утри! успокойся и спараго друга послу-
шай.» —

Такъ преспарѣлый Сапиръ говорилъ молодому Микону,
Въ грусти безмолвной лежащему въ темной каш-
тановой рошѣ.

Къ Дафнѣ юный паспухъ разгарался въ младенче-
скомъ сердцѣ

Пламенемъ первымъ и чистымъ: любилъ и любилъ
не напрасно.

Все до вчерашняго вечера счастье ему предвѣщало:
Дафна охотно плясала и пѣла съ нимъ; даже однажды
Руку пожала ему и что-то такое шепнула
Тихо, но сладко, когда онъ сказалъ ей: люби меня,
Дафна!

Что же два вечера Дафна не та, не прежняя
Дафна?

Только онъ къ ней, она отъ него. Понятные
взгляды,

Ласково - дѣшскія рѣчи, улыбка сихъ устъ пурпу-
ровыхъ,

Нѣгой пылающихъ, все, какъ весенней водою уплыло!

Что случилось съ прекрасной паслушкой? Не знаетъ
ли полно

Старый Сапиръ нашъ объ этомъ? не просто твер-
дитъ онъ: Послушай!

Ночь же прекрасная: тихо, на небѣ ни облака! Если

Съ каждымъ лучемъ богиня Діана шлепъ по лобзанью

Эндиміону счастливцу: то былъ ли на свѣтѣ кто
смертный

Сполько, такъ страстно лобзаемъ и въ полную
пору любви!

Нѣтъ и не будетъ! лучи такъ и блещутъ, зѣмля
ушопаетъ

Въ ихъ обаятельномъ свѣтѣ; Иллисъ изъ урны про-
хладной

Льетъ серебро; соловьи рассыпающся въ сладост-
ныхъ пѣсняхъ;

Берегъ дышитъ томительнымъ запахомъ травъ
ароматныхъ:

Сердце полнѣе живетъ и душа упивается нѣгой.
 Бѣдный Миконъ Сапира послушался, медленно по-
 днялъ
 Голову, сѣлъ, прислонился къ кашпану высокому,
 руки
 Молча сложилъ, и взоръ устремилъ на Сапира; а
 старый
 Локтемъ налегся на длинную вѣшвъ, и качаясь,
 шакъ началъ:

«Ранней зарею вчера просыпаюсь я: — холодно
 что-то!

Развѣ съ вечера я не прикрылся? гдѣ теплая кожа?
 Какъ подъ себя не посплалъ я справъ ароматныхъ
 и свѣжихъ?

Глядь, и зажмурился! свѣтъ ослѣпительный упря,
 неслипый

Съ мракомъ лѣнивымъ пещеры! Чпо это? дернулъ
 ногами:

Ноги привязаны къ дереву! Руку за кружкой: о боги!

Кружка разбиша, разбиша моя драгоценная кружка!

Ахъ, я хошѣлъ закричать : ты усердень по прежнему,
старый,

Лишь не по прежнему силенъ, мой другъ, на вакхи-
ческихъ бипвахъ !

Ты не дошелъ до пещеры своей, на дорогъ ты вѣрно
Паль, побѣжденный виномъ, и насмѣшникамъ въ руки
попался ! —

Но плесканье воды, но веселые женскіе клики
Мысли въ умѣ, а слова въ разшворенныхъ ушахъ
удержали.

Вошъ, не смѣя дышашъ, чуть-чуть я привсшалъ,
предомною

Частый кустарникъ; легко лиспы раздвигаю; по-
двинулъ

Голову въ лиспы, гляжу : шамъ синѣють, шамъ
искрятся волны;

Далѣе двинулся : вижу, въ волнахъ Ликориса и Дафна :

Объ прекрасны, какъ дѣвы - Харишы, и наги, какъ
Нимфы ;

Съ ними два лебедя. Знаешь, любимые лебеди :
бѣдныхъ

Прошлой весною ты спасъ; ихъ маперъ клевала
жестоко; —

Мать ошогналъ ты, поймалъ ихъ и въ даръ принесъ
Ликорисъ:

Дафну тогда ужъ любилъ ты, но ей подарилъ ихъ
боялся.

Первыя чувства любви, я помню, застенчивы, робки:
Любишь и милой спрашишься наскучить и лаской
излишней.

Бѣлыя шеи двухъ лебедей обхвативъ, Ликориса
Вдругъ поплыла, а Дафна нырнула въ кристальныя
воды.

Дафна явилась, и смѣхъ ее встрѣшилъ: «Дафна, я
Леда,

Новая Леда.» — А я Амашузія! видишь, не такъ ли
Я родилась шеперь, какъ она, изъ пѣны бле-
спящей?—

«Правда; но прежняя Леда ни что передъ новой!
мнѣ служашъ

Два Зевеса: чѣмъ же похвалишься ты предъ
Кипридой?»

— Мужемъ не будешь моимъ Ифестъ хромоногій и
старой! —

« Правда и то, моя милая Дафна; еще скажу:
правда!

Твой прекрасенъ Миконъ; не сыскашь паспуха, его
лучше!

Кудри его въ при ряда; глаза небеснаго цвѣща;
Взгляды ихъ къ сердцу доходящъ; какъ персикъ, въ
пору созрѣвшій,

Юный, онъ свѣжъ и румянъ и пухомъ блестящимъ
украшенъ;

Чшо жъ за уста у него? Душистыя, алыя розы,
Полныя звуковъ и словъ, сладчайшихъ всѣхъ пѣсень
воздушныхъ.

Дафна, мой другъ, поцѣлуй же меня! ты скоро
не будешь

Часто твою цѣловать Ликорису охотно; ты ска-
жешь:

Слаще въ лобзаньяхъ уста паспуха, молодаго Микона!»

— Все ты смѣешься, подружка лукавая! все пона-
прасну

Въ краску вводишь меня! и что мнѣ Миконъ швой?

хорошъ онъ —

Лучше ему! я къ нему равнодушна. — «Зачѣмъ же

краснѣешь?»

— Я по неволѣ краснѣю: зачѣмъ все ко мнѣ при-

сшаешь ты?

Все говоришь про Микона! Миконъ, да Миконъ; а

онъ что мнѣ? —

«Что жъ ты препещешь, и грудью ко мнѣ прижи-

маешься? что такъ

Пламенно, что такъ не ровно дышетъ она? Послу-

шай:

Если бъ (пошлюсь на безсмертныхъ боговъ, я того

не желаю)

Если бъ, гонясь за заблудшей овцою, Миконъ очутился

Здѣсь, вошь на берегъ; что бы ты сдѣлала?» — Я бъ?

ушопилась! —

«Точно, и я бъ ушопилась! Но опъ чего? что за

странность?

Развѣ хуже мы такъ? смотри, я плыву: не пре-

красны ль

★

Въ золотѣ спруй эши волны власовъ, эши нѣжныя
перси?

Вошь и ты поплыла; вошь ножка въ водѣ забѣ-
лѣлась,

Словно нашъ снѣгъ, украшеніе горь! А вся такъ
бѣла ты!

Шея же, руки: взгляди, скажешь — изъ коспи
слоновой

Масперъ большой ихъ опдѣлалъ, а Зевсъ наполнилъ
съ избыткомъ

Сладко-плѣняющей жизнью. Дафна, чего жъ мы спы-
димся!»

— Другъ Ликориса, не знаю; но знаю: спыдишься
прекрасно!

«Правда; но все непонятнаго много шупъ скрышо!
Подумай:

Чшо же мущины шакое? не шочно ль, какъ мы, они
люди?

То же шворенье прекрасное дивнаго Зевса-Кронида.

Какъ же мушинъ мы спыдимся, съ другимъ же, намъ
чуждымъ созданьемъ,

Съ лебедемъ шупимъ! свободно: по длинную шею

лаская,

Клѣвъ его клонимъ къ успамъ и цѣлуемъ; по съ

нѣжностью шреплемъ

Бѣлыя крылья и персями жмемся ко груди пуховой.

Нѣшь ли во взорѣ ихъ силы ужасной, Медузиной

силы,

Въ камень насъ обращающей? чпо ты мнѣ скажешь?»

— Не знаю!

Только Ледой и я была бы охотно! и шакже

Друга ласкашь и лобзаешь не успала бѣ въ семь

образѣ скромномъ,

Въ сей красотѣ бѣлизны ослѣпительной! Дерзка-

го жѣ боги,

(Кшо бы онѣ ни былъ:) молю, обратите рогашымъ

оленемъ,

Словно ловца Акпеона, жертву Діанина гнѣва!

Ахъ, Ликориса, рога! — « Чпо рога? » — Рога за

кусами! —

« Дафна, Миконовъ сапирь! » — Уплывемъ, уплывемъ! —

« Все онѣ слышала,

Все онъ расскажетъ Микону! бѣдныя мы! » — Мы
погибли! —

Такъ, оспорожный, какъ юноша пылкй, я разго-
воръ ихъ

Кончилъ внезапно! и все былъ доволенъ: Дафна, шы
видишь,

Любишь себя, и невинная доли прекрасной до-
стойна:

Сердцемъ Микона владѣшь на земли и въ обишеляхъ
Орка!

Чшо жъ шы не плачешь по прежнему, взрослый ре-
бенокъ! Сапира

Спараго, видно, слушаешь полезно? поди же въ ша-
лашь свой!

Сладкимъ вельньямъ Морфея покорствуй! Эропъ не
оспавишь

Дѣла прекраснаго! вѣрь мнѣ, покойся: онъ кон-
чишь, какъ началъ. »

XVII.

КЪ ЛІЛЕТЪ.

Лилета, пусть въперъ свиспишь и къ верху мя-
 шелица вьешся,

Внимая боренью спихій и въ бурю мы счасптивы
 будемъ,

И въ бурю мы можемъ любишь! ты знаешь, во
 мрачномъ Хаосѣ

Родился прекрасный Эрошъ.

Въ ужасномъ волненьи морей, когда громы сража-
 лись съ громами

И пьма успремлялась на пьму и бѣлая пѣна кипѣла—

Явилась богиня любви, въ коральной плывя колесницѣ

И волны предъ ней улеглись.

И мы, подъ защіпой боговъ, попопимъ въ веселіи
время.

Бушуйте, о чада зимы, осыпайтесе, желтые лисья!
Но мы еще только цвѣтемъ, но мы еще жить
начинаемъ

Въ объятіяхъ нѣжной любви.

И радостно сбросимъ съ себя мы юности красну
одежду

И спароси тихой дадимъ дрожащую руку съ клюкою

И скажемъ: о спаросъ, веди наслаждайся любовью
въ томъ мірѣ,

Ужъ мы насладились здѣсь.

XVIII.

КЪ ДОРИДЪ.

Дорида, Дорида! любовью все дышешь,
 Все пьешь наслаждение съ припекшей весной:
 Чуть зефиръ, спруясь, березу колышешь,
 И съ берега лебедь понесся волной
 Къ зовущей подругъ на островъ пусынной,
 Надъ розой препещешь злшый мопылёкъ,
 И въ гулкой долинь любовью невинной
 Просяжно вздыхаешь паспушій рожокъ.

Лишь ты, о Дорида, улыбкой надменной
 Мнѣ плашишь за слезы и муки любви!
 Вглядись въ мою блѣдность, въ мой взоръ помраченной:
 По нимъ ты узнаешь, какъ въ юной крови
 Свирѣлая ревность помитъ и сжигаетъ!
 Не внемлешь... и въ пляскахъ, смѣясь надо мной,
 На зло мнѣ красою подругъ зашемняешь,
 И узниковъ гордо ведешь за собой.

XIX.

Х О Р Ъ.

Изъ Колиновой трагедіи : Поликсена.

Гѣліось, Гѣліось!

Тамъ съ безпредѣльности моря

Снова подъемлешь главу

Въ блескъ лучей.

Горе мнѣ, горе!

Снова я плачу

Въ срѣшенъе бога!

Черезъ пучину —

Съ шажками вздохами

Слышишь мои шы сшенанія!

Смолкните , смолкните

Вы , разшерзанной груди

Муки жестокия!

Плѣнницѣ мнѣ

Горе , горе!

Скоро укажешь мнѣ

Грозной рукою Грекъ :

Скоро сокроешь

Берегъ священный опечеснѣва!

Троя! Троя!

Ты не Эллинами

Ринуша въ прахъ ,

Гибель! гибель!

Было грозныхъ безсмертныхъ

Вѣчное слово.

Пала — ошгрянуль восшокъ ,

Западъ содрогнулся ,

Троя! Троя!

Оеба любимица,

Матерь воишелей,

Жизнью кипѣвшая!

Нынѣ пустыня, уголь, прахъ,

Нынѣ гробъ!

Плачьте, о плѣнницы!

Вашихъ супруговъ гробъ,

Вашихъ дѣшей!

Выплачьте горькую,

Выплачьте жизнь вы слезами!

Рокъ вашъ: плакашь, плакашь,

Къ долу прилечь,

Умереть!

XX.

НАДПИСЬ

НА СТАТУЮ ФЛОРЕНТИНСКАГО МЕРКУРІЯ.

Перспѣ указуешь на даль, на главѣ развѣлися крылья,
Дышешь свободою грудь, съ легкостью дивною онѣ
Въ землю удара крылашой ногой, кидаешься въ воздухъ...
Мигъ—и умчишься! Таковъ полный восшорга пѣвецъ.

XXI.

КЪ АМУРУ.

(Изъ Геснера.)

Еще въ началѣ Мая,
Тебѣ, Амуръ жестокій!
Я жерпвенникъ поспавиль
Въ домашнемъ огородѣ,
И розами и мирпомъ
Обвилъ его, украсиль.
Не каждое ли упря
Съ шѣхъ поръ вѣнокъ душистый
Носиль тебѣ, какъ жерпву?
А было все напрасно!

Ужь сыплюся мятели
 По обнаженнымъ вѣшьямъ —
 Она жь ко мнѣ сурова,
 Какъ и въ началѣ Мая.

XII.

И Д И Л Л И Я.

Нѣкогда Тиширь и Зоя, подѣ шѣнью двухъ юныхъ
плапановъ ;

Первыя чувства познали любви и, полныя счастья,
Острымъ кремнемъ на корѣ сихъ деревъ имена
начерпали,

Тиширь Зои, а Тишира Зоя, Богу Эрошу,
Шумныхъ свидѣтелей спраси своей посвятивши.

Подѣ старость

Къ двумъ завѣшнымъ плапанамъ они прибрели
и видяшъ

Чудо : пни ихъ, другъ къ другу склонясь, именами
срослися.—

Нимфы деревь сихъ тайною силой именъ соче-
павшись ,

Нынѣ въ древѣ двойномъ вожделеньемъ на пущника
вѣюшь ;

Нынѣ въ шѣни ихъ могила , въ могилѣ шой
Тиширь и Зоя.

XXIII.

П Ъ С Н Я. ×

Наяву и въ сладкомъ снѣ

Все мечтаешесь вы мнѣ:

Кудри, кудри шелковыя,

Юныхъ персей красота,

Прелесть — очи и уста

И лобзанія живыя.

И я въ раннюю зарю

Темнымъ кудрямъ говорю:

Кудри, кудри, что вы вьешесь?

Мнѣ ужъ вами не играшь,

Мнѣ ужъ васъ не цѣловашь,

Вы другому достаешесь.

И я упрямъ золошымъ

Молвлю персямъ молодымъ :

Пухъ лебяжій, нѣгой спраспной

Не дыши по спаринѣ : —

Ужь не бытъ счастливымъ мнѣ

У груди моей прекрасной.

Я твержу по вечерамъ

Свѣшлымъ взорамъ и ушамъ :

Замолчите, замолчите !

Съ люшой долей я знакомъ ,

О веселомъ , о быломъ

Вы съ душой не говорите !

Ночью сплю ли я, не сплю

Все устами васъ ловлю ,

Сердцу сладкія лобзанья !

Сердце бьется, сердце ждешъ , —

Но ужъ милая неидешъ ,

Въ часъ условленный свиданья.

XXIV.

РОМАНСЪ.

Вчера Вакхическихъ друзей
 Я посѣпиль кружокъ веселой;
 Взошель — и слышу: здраспвуй, пей!
 Нѣшь — молвилъ я съ шоской ппжелой:

Не пишь, безпечные друзья,
 Пришель къ вамъ другъ вашъ одичалый:
 Хочу на мигъ забыпсья я
 Ошъ жизни и любви усталый.

Спучите чашами громчей;
 Дружнѣй гешерь и Вакха пойте!
 Волненіе души моей
 Хоть на минушу успокойте!

Мнѣ помогите освѣжить
 Воспоминанья жизни вольной
 И вопли сердца заглушить
 Напѣвомъ радости застольной.

XXV.

+ ЖАЛОБА. ×

Возпламенишь васъ шрудъ напрасной,
Узналъ по опыту я самъ;
Васъ боги создали прекрасной,
Хвала и честь за то богамъ:
Но вмѣстѣ съ прелесью опасной
Они холодношь дали вамъ.
Я шаю въ грусти сладоспращной;
А вы, на зло моимъ мечшамъ,
Улыбкой плашите неясной
Любви моей проснымъ мольбамъ.

XXVI.

РОМАНСЪ.

Одинокъ мѣсяць плыль, зыбляся въ шуманѣ,
Одинокъ воздыхаль вишязь на курганѣ.

Свѣжихъ правъ не щипаль конь его унылой:

«Конь мой, конь, вѣрный конь, понесемся къ милой!

« Не къ добру грудь моя сяжко воздыхаетъ,

« Не къ добру сердце мнѣ что-то предвѣщаетъ;

« Не къ добру безъ ѣды ты споишь унылой!

« Конь мой, конь, вѣрный конь, понесемся къ милой! »

Конь вздрогнул и сильнѣй випязь возмутился,
 Въ милый край, въ спрашный край, какъ стрѣла
 пуснулся.

Ночь прошла, все свѣпло: видѣнь храмъ съ дубровой,
 Конь заржалъ, конь взвился надъ могилой новой.

XXVII.

С О Н Ъ.

« Мой суженый, мой ряженный,

Услышь меня, спаси меня!

Я въ прешью ночь, въ послѣднюю,

Я въ вѣщемъ снѣ пришла къ тебѣ,

Забыла спыдъ дѣвической!

Не волкомъ я похищена,

Не Волгою ушоплена,

Не злымъ врагомъ ушрачена:

По засѣкамъ гуляючи,

Я обошла лѣсничаго

Космашаго, рогашаго;

Я сбилася съ тропы съ пуши,

Съ пропы съ пужи, съ дороженьки
И вспрѣшилась я съ вѣдьмою
Съ заклопою зависпницею
Красы моею — любви твоею.

« Мой суженый, мой ряженный,
Я въ вѣщемъ снѣ въ послѣднее
Къ тебѣ пришла: спаси меня!
Съ зарей проснись, росой всплеснись,
Съ крестомъ въ рукѣ пойдѣ къ рѣкѣ
Благословясь пущися въ плавь
И къ берегу заволжскому
Тебя волна прибьетъ сама.
На всей красѣ на берегѣ
Роспешъ, цвѣпешъ шиповничекъ:
Въ шиповничкѣ душа моя:
Тоска — шипы, любовь — цвѣпы,
Изъ слезъ моихъ роса на нихъ.
Росу сбири, цвѣпы сорви
И буду я опяшь твоя.»

— Обманчивъ сонъ, не вѣщій онъ!

По гробъ грустишь мнѣ молодцу!

Не Волгой плышь, а слёзы лишь!

По Волгѣ бродь — саженный ледъ,

По берегу жь заволжскому

Мяпешь, гудешь мяпелица!

XXVIII.

РАЗОЧАРОВАНИЕ. x

Прошекшихъ дней очарованья,
 Миѣ васъ душѣ не возвратишь!
 Въ любви узнавъ однѣ спраданья,
 Она ушрашила желанья
 И вновь не просится любви.

Къ ней сны молодые не забродяшь,
 Опять съ надеждой не мирияшь,
 Въ странахъ волшебныхъ съ ней не ходяшь,
 Веселыхъ пѣсень не заводяшь
 И сладкихъ словъ не говоряшь.

Ея одинъ удѣлъ печальной:

Года безчувственно провести

И въ край, для горестныхъ не дальной,

Подъ гласъ молитвы погребальной,

Однѣ молитвы перенести.

РАЗСКАЗЫ

Прощеніе днѣй озорныхъ,

Мнѣ вѣсѣ дѣла не возбранна!

Въ любви узнаю одинъ спаданъ,

Она упрямая желанъ

И вѣсѣ не прощанъ.

Къ ней сны малые не зовутъ,

Опять съ надеждой не иршатъ,

Въ спиритизмъ волшебства съ ней не ходятъ,

Вселятъ трескъ не зовутъ

И сладкихъ словъ не говорятъ.

XXIX.

НА СМЕРТЬ ***.

СЕЛЬСКАЯ ЭЛЕГІЯ.

Я зналъ ее: она была душою
 Прелестный своего прекраснаго лица.
 Умомъ живымъ, мечтательной поскою,
 Какъ бы предчувствіемъ столь ранняго конца,
 Любовію къ роднымъ и къ намъ желаньемъ счастья:
 Всѣмъ милая, она несчастлива была,
 И какъ весенній цвѣтъ, разцвѣшій въ дни не-
 насшья,
 Она внезапно опцвѣла.

И кто жь? любовь ей сердце оправила!
 Она невѣрнаго пришельца полюбила:
 Намигъ ея плѣняя красотою,
 Онъ кинулся въ объятія другой
 И навсегда ушелъ изъ нашего селенья.
 Что, что ужаснѣе любви безъ раздѣленья,
 Проспой, довѣрчивой любви!
 Несчастливая, въ душѣ спраданія свои
 Сокрыла, ихъ самой сестрѣ не повѣрjala,
 И грусть безмолвная и жаждущая слѣзь,
 Какъ червь цвѣпочный, поѣдала
 Ея красу и цвѣтъ ланишныхъ розъ!
 Какъ часто гробъ она опцовскій посѣщала!
 Какъ часто, видѣлъ я, она сидѣла тамъ
 Съ улыбкой, безъ слезы ропшанья на рѣсницѣ,
 Какъ возсѣдитъ Терпѣнье на гробницѣ
 И улыбается бѣдамъ.

XXX.

В Д О Х Н О В Е Н І Е.

С О Н Е Т Ъ.

Не часто къ намъ слѣпаетъ вдохновенье,
 И крапкій мигъ въ душѣ оно горитъ;
 Но эпошъ мигъ любимецъ Музъ цѣнитъ,
 Какъ мученикъ съ землею разлученье.

Въ друзьяхъ обманъ, въ любви разуверенье
 И ядъ во всемъ, чѣмъ сердце дорожитъ,
 Забыты имъ: воспорженный Піипъ
 Ужъ прочишалъ свое предназначенье,

И презрѣнный, гонимый опъ людей,
Блуждающій одинъ подъ небесами,
Онъ говоришь съ грядущими вѣками;

Онъ ставишь честь превыше всѣхъ честей,
Онъ клеветѣ мстишь славою своею
И дѣлится безсмертіемъ съ богами.

XXXI.

С О Н Е Т Ъ. ×

Злапыхъ кудрей пріятная небрежность,
 Небесныхъ глазъ мечтательный привѣтъ,
 Звукъ сладкій устъ, при словѣ даже: *нѣтъ*
 Во мнѣ родящъ любовь и безнадежность.

На то ли мнѣ послали боги *нѣжность*,
 Чшобъ изнемогъ я въ раннемъ цвѣтѣ лѣтъ?
 Но я гошовъ, я выпью чашу бѣдъ:
 Мнѣ не страшна грядущаго безбрежность!

★

Не возвратишь уже покоя вновь,
Я позабылъ свободной жизни сладость,
Душа горишь, но смолкла въ сердцѣ радость,

Во мнѣ кипишь и холодѣешь кровь:
Печаль ли ты, веселье ль ты, любовь?
На смерть иль жизнь себя я ввѣрилъ младость?

XXXII.

Н. М. ЯЗЫКОВУ.

СОНЕТЪ.

Младой пѣвецъ, дорогою прекрасной
Тебѣ ищи къ парнаскимъ висошамъ,
Тебѣ вѣнокъ (повѣрь моимъ словамъ :)
Плещешь Амуръ съ Каменой сладкогласной.

Ошъ раннихъ лѣтъ я пламень не напрасной
Храню въ душѣ, благодаря богамъ,
Я имъ влекомъ къ возвышеннымъ пѣвцамъ
Съ какою-то любовію приспращной.

Я Пушкина младенцем полюбилъ,
Съ нимъ раздѣлялъ и грусть и наслажденье
И первый я его услышалъ пѣнье

И за себя боговъ благословилъ.

Пѣвца *Пировъ* я съ Музой подружилъ
И славой ихъ горжусь въ вознагражденье.

XXXIII.

С. Д. П—ОЙ.

При посылкѣ книги: Воспоминаніе объ
Испаніи, соч. Булгарина.

Сонетъ.

Въ Испаніи Амуръ не чужестранецъ,
Онъ тамъ не гость, но родственникъ и свой,
Подъ кашаньешъ съ веселой красою
Поешь романсъ и пляшешь, какъ Испанецъ.

Его огнемъ въ щекахъ блещишь румянецъ,
Пылаешь грудь, сверкаешь взоръ живой,
Горяшь уста Испанки молодой;
И вѣешь миршъ и дышешь померанецъ.

Но онъ и къ намъ, всесильный, не суровъ,
И къ Сѣверу мы зримъ его вниманье:
Не онъ ли даль очамъ швоимъ блиспанье,

Успамъ коралль, жемчужный рядъ зубовъ,
И въ кудри свиль сей мягкій шелкъ власовъ
И всю себя одѣль въ очарованье!

XXXIV.

РУСКАЯ ПѢСНЯ.

Что, красочка молодая,

Что ты, свѣщикъ, плачешь?

Что головушку, вздыхая,

Къ бѣлой ручкѣ клонишь?

Или словомъ, или взоромъ

Я тебя обидѣлъ?

Иль не скромнымъ разговоромъ

Ввелъ при людяхъ въ краску?

Нѣтъ, лежишь поско иная

У тебя на сердцѣ!

Нѣтъ, кручинушку другую

Ты вложила въ мысли!

Ты не хочешь, не желаешь,

Молодцу отккрыться

Ты боишься милу другу

Заповѣдать тайну!

Не слыхали ль злые люди

Нашихъ разговоровъ?

Не спросили ль злые люди

У отца роднаго;

Не спросили ль сопоспашы

У твоей родимой:

« Чей у ней на ручкѣ перспень? »

« Чья въ повязкѣ ленша, »

« Ленша, ленточка цвѣтная, »

« Съ золотой каймою; »

« Перспень съ чернью разписною, »

« Съ чистымъ изумрудомъ? »

Не поми, открой причину
Слезъ твоихъ горючихъ!
Перелей въ мое ты сердце
Всю тоску-кручину,
Перелей тоску-кручину
Сладкимъ поцѣлуемъ:
Мы вдвоемъ тоску-кручину
Легче разтосуемъ.

X X X V.

РУСКАЯ ПѢСНЯ.

Ахъ шы ночь ли,

Ноченька!

Ахъ шы ночь ли,

Бурная!

Отъ чего шы

Съ вечера

До глубокой

Полночи

Не блистаешь

Звѣздами,

Не сіяешь

Мѣсяцемъ?

Все темнѣешь

Тучами?

И съ тобой знашь,

Ноченька,

Какъ со мною

Молодцемъ,

Грусть злодѣйка

Свѣдалась!

Какъ заляжешь

Люшая,

Тамъ глубоко

На сердцѣ:

Позабудешь

Дѣвицамъ

Усмѣхаться,

Кланяться;

Позабудешь

Съ вечера

До глубокой

Полночи

Припѣвая,

Тѣшишься

Хороводной

Пляскою !

Нѣтъ, взрыдаешь,

Всплачешься,

И безродный

Молодецъ, —

На постелю

Жесткую,

Какъ въ могилу,

Кинешься !

XXXVI.

ДОМИКЪ.

За далью шуманной,
За дикой горой
Стоишь надъ рѣкой
Мой домикъ проспой;
Для знаши жеманной
Онъ замкнушь ключемъ,
Но горенку въ немъ
Ошвель я веселью,
Мечшамъ и бездѣлю.
Они берегутъ
Мой скромный пріютъ,
Дана имъ свобода —

Въ кустахъ огорода ,
На злакъ луговъ
И древнихъ дубовъ
Въ шѣни молчаливой,
Гдѣ спруйкой игривой
Сверкая бѣжишь,
Бѣжишь и журчишь
Ручей пограничной: —
Съ заботой привычной
Порхашь и лешашь
И пѣснею сладкой
Въ мой домикъ украдкой
Друзей прикликашь.

XXXVII.

Ц Е Ф И З Ъ.

Идиллія.

(И. А. Б О М У.)

Мы еще молоды, Лидій! вокруг шеи кудри ви-
юшся;

Рдѣюпъ, какъ яблоко, щеки, и свѣжія губы алѣюпъ
Въ быстрые дни молодыхъ поцѣлуевъ. Но скоро ль,

не скоро ль,

Все жъ мы, паспухъ, соспарѣмся, все жъ подурнѣмъ;

а Дафна,

Эша шалунья, насмѣшница, вдругъ подрастетъ

и, какъ роза,

Вешнимъ упрямъ разцвѣпшая, насъ ослѣпитъ красотою.

Поздно тогда къ ней ласкаться, поздно и щещно!
вертушка

Врядъ поцѣлуешь сѣдыхъ — и, локшемъ подругу
полкая

Скажешь съ насмѣшкою: «взглянь, вотъ бабушкинъ
милый любовникъ!

Какъ же щеки румяны, какъ гуспы волнистыя
кудри!

Голось его соловьиный, а взоръ его прямо орли-
ный!»

— Смѣйся, мы скажемъ ей, смѣйся! И мы насмѣха-
лись, бывало!

Здѣсь проходчиво все — одна не проходчива дружба!

«Здравствуй, здравствуй, Филиппъ! Давно мы съ
побой не видались!

Вѣкъ не забуду я дня, копорый тебя возвратилъ
мнѣ,

Мой добродѣтельный спарецъ! милый другъ, твои
кудри

Старость не скупю осыпала снѣгомъ! Приди же къ
Цефизу;

Здѣсь отдохни подъ прохладою тѣней: тебя ожи-
дають

Сочный въ саду виноградъ и плодами румяная груша!»

Такъ Цефизъ говорилъ, съ младенчества милому,
другу:

Спарца обнялъ, зашворъ опшашнуль, и ввелъ его
въ садикъ.

Съ груши одной Филиншъ плоды вкушала и хвалила
ихъ,

И Цефизъ ему весело молвилъ: «пріятель опнынѣ

Дерево это швое; а я опъ холодной мятели

Буду прилежно его укушивать теплой соломой.

Пусть оно для тебя и цвѣтешъ и плодомъ бога-
тѣешъ!»

Но — не Филиншу оно и цвѣло и плодомъ богашѣло:

Въ ту же осень онъ умеръ. Цефизъ молилъ Жиз-
недавца

Также мирно уснуть, хоть и бѣднымъ, но добрымъ.

Подъ грушей

Спарца онъ схоронилъ и холмъ увѣнчалъ кипарисомъ.

Часто слыхаль онъ, когда проспирала луна

ошъ деревьевъ

Влажныя, долгія шѣни, священное лисъевъ шепшанье;

Часто изъ гроба таинственнѣйшій гласъ исходилъ —

казалось,

Быль благодарности гласъ онъ. И небо давало Цефизу

Много съ шѣхъ поръ и грушъ благовонныхъ и гроздй

прозрачныхъ.

XXXVIII.

ДИОИРАМЪ.

(На прїѣздъ трехъ друзей.)

О радость, радость, я жизнью бывалою

Снова дышу!

Трепещетъ лира:

Въ струнахъ позабытыхъ

Я звуковъ согласныхъ,

Я звуковъ живительныхъ

Въ восторгъ ищу.

Гремишь, какъ прежде, подруга безсмертная ;

Други, ко мнѣ !

Опять досступенъ

Я смѣхамъ и пѣснямъ

И чашѣ, вѣнчанной

Минушными розами,

И сладкой любви.

Пришли при гостя въ обитель поэтову

Съ дальнихъ сторонъ :

Отъ Финновъ блѣдныхъ ;

Ледяноволосыхъ ;

Отъ Реина старца ;

Отъ моря сыпучаго

Азійскихъ песковъ.

Три госпя, съ дѣшсхва поварищи, спутники,

Брашья мои!

За мной ко храму!

Я, плющемъ вѣнчанный,

При гимнахъ священныхъ

Кастору и Поллуксу

Хвалу воспою.

XXXIX.

МЫ.

Бѣдные мы! что нашъ умъ? сквозь шуманъ озаря-
ющій факель

Бурей гонимый нашъ челнъ по морю бѣдспвій
и слезъ;

Счасіе наше въ невѣдѣннхъ жалкомъ, въ мечпахъ и
безумствѣ:

Свѣчку хвашаешь дыша, (юноша ищешь любви.)

XL.

У Т Ъ Ш Е Н І Е.

Смершный, гонимый людьми и судьбой! разспаваяся
съ міромъ,

Злобу людей и судьбы сердцемъ проспи и забудь.
Къ солнцу впослѣднее взоръ обрати, какъ Руссо, и
ушѣшься :

Въ тернахъ заснувшіе здѣсь, въ миршахъ про-
будяшся шамъ.

XLI.

КЪ ПТИЧКЪ,

ВЫПУЩЕННОЙ НА ВОЛЮ.

Во имя Деліи прекрасной,
Во имя пламенной любви,
Тебѣ, лешунѣ сладкогласной,
Дарю свободу я. — Лети!
И я равно счастливой долей
Опѣ милой надѣленъ моею:
Какъ ей обязана ты волей,
Такъ я неволю своею.

XLII.

РУСКАЯ ПѢСНЯ.

Голова ль моя головушка,
Голова ли молодецкая,
Что болишь ты, что ты клонишься
Ко груди, къ плечу могучему?
Ты не то была, удалая,
Въ прежни годы, въ дни разгульные,
Въ русыхъ кудряхъ, въ красотѣ швоей,
Въ той ли шапкѣ, шапкѣ бархатной,
Собоями опороченой.
Днемъ ли въ тѣ поры я выѣду,
Въ очи солнце—ты не хмуришься,
Въ шемномъ лѣсѣ въ ночь ненастную,

Ты найдешь тропу заглохшую;
 Красна ль дѣвица приглянешся —
 И безъ словъ ей все повыскажешь;
 Повспрѣчаюшся ль недобрые —
 Только взглянушь и успокаюшся.
 Чпо жь шеперь шы думу думаешь,
 Думу крѣпкую, тяжелую?
 Иль шы съ сердцемъ перемолвилось,
 Иль одно вы съ нимъ задумали?
 Иль прилука молодецкая
 Ни изъ сердца, ни съ ума нейдетъ?
 Ужь не вырвашся изъ клѣшочки
 Пѣвчей пшичкѣ коноплянчкѣ:
 Знашь и вамъ не видѣшь болѣе
 Прежней воли съ прежней радостью.

XLIII.

Р О З А.

Роза ль ты, розочка, роза душистая!

Всѣмъ ты, красавица, роза цвѣпокъ!

Вѣйся, плещися съ лилеей и ландышемъ,

Вѣйся, плещися въ мой пышный вѣнокъ.

Нынче я встрѣчу красавицу - дѣвицу,

Нынче я встрѣчу паспушку мою:

« Здравствуй, красавица, красная дѣвица! »

Ахъ! . . и промолвлюся, молвлю: люблю!

Вдругъ зарумянишся красная дѣвица,

Вспыхнешь молодая, какъ роза цвѣшокъ:

Взглянь въ ручеечекъ, паспушка спыдливая,

Взглянь: предъ тобою ничто мой вѣнокъ!

XLIV.

+ РОМАНСЪ. *

Изъ студента причесан

Только узналъ я себя —

И шепотомъ сладкимъ впервые

Сердце забилося во мнѣ.

Сжала ты руку мою —

И жизнь и всѣ радости жизни

Въ жертву тебѣ я принесъ.

Ты мнѣ сказала: люблю,

И чистая радость слѣшла

Въ мрачную душу мою.

Молча гляжу на себя, —

Нѣшь слова всѣ муки, все счастье

Выразить спраси моей,

Каждую свѣплую мысль,

Высокое каждое чувство

Ты зараждаешь въ душѣ.

XLV.

Д Р У З Ь Я.

(Идиллія.)

Е. А. БАРАТЫНСКОМУ.

Вечерь осенній сходилъ на Аркадію. — Юноши,
спарцы,

Ръзвыя дѣши и дѣвы прекрасныя, съ ранняго ушра,
Жавшіе сокъ виноградный изъ гроздій злапыхъ, бла-
говонныхъ,

Всѣ собралися вокругъ двухъ спарцевъ, друзей
знаменипыхъ.

Славны вы были, друзья Палемонъ и Даметь! сча-
спливцы!

Знали про васъ и въ Сициліи дальней, средь моря
цвѣщущей;

Тамъ, на паспушьихъ бояхъ хорошо искусившійся
въ пѣсняхъ,

Часто прошивниковъ дерзкихъ сражалъ не опѣш-
нымъ вопросомъ:

Кто Палемона съ Даметомъ славнѣе по дружбѣ
примѣрной?

Кто ихъ славнѣе по чудному дару испытывать вина?

Такъ и шеперь передъ ними, подъ тѣнью вѣшви-
спыхъ плапановъ,

Въ чашахъ рѣзныхъ и глубокихъ, вино молодое
спояло,

Брали они по порядку каждую чашу — и молча

Къ свѣшу сморгѣли на цвѣшъ, обоняли и думали
долго,

Пили, и судъ непреложный вмѣстѣ вину изрекали:

Эшо пишь молодое, а эшо на долгіе годы

Въ прокъ положишь, чшо бы внуки, когда соизво-
лишь Кроніонъ

Вѣкъ ихъ счастливо продлишь, подъ старость, за
трапезой шумной
Пивши, хвалилися имъ, рассказамъ пришельца вни-
мая.

Только жъ надъ винами судъ два старца, два друга
скончали,
Вакхъ, языковъ разрѣшитель, сидѣлъ ужъ близъ нихъ
и незримый
Къ дружеской тихой бесѣдѣ наспроилъ сѣдаго
Дамеша :

« Другъ Палемонъ, съ улыбкою спарецъ промолвилъ :
дай руку !

Вспомни, спарикъ; еще я говаривалъ, юношей бывши :
Здѣсь проходчиво все, одна не проходчива дружба!
Что же, слово мое не сбылось ли ? какъ думаешь,
милый ?

Что, кромѣ дружбы, въ душѣ сохранилъ ты ? — но
я не жалю,
Вошь Геркулесь ! не жалю о томъ, что прошло;
твоей дружбой

Сердце довольно полно и веду я не къ этому
слово.

Нѣтъ, но хочу я — кто знаетъ? — мы стары! хочу
я, быть можетъ,

Нынѣ въ послѣднее, все разсказать, что отъ самаго
дѣшства

Въ сердце ношу, о чемъ много говаривалъ, небо
за что я

Рано и поздно молилъ; Палемонъ, о чемъ буду съ
тобою

Часто бесѣдовать даже за Спиксомъ и Лешой шу-
манной.

Какъ мнѣ счастливымъ не быть, Палемона другомъ
имѣя?

Машери наши, какъ мы, другъ друга съ дѣшства
любили,

Вмѣстѣ познали любовь къ двумъ юношамъ милымъ
и дружнымъ,

Вмѣстѣ плоды понесли Гименей; другъ другу,
младыхъ

Новыя тайны вѣруя, священный обѣтъ положили:

Если боги мольбы ихъ услышатъ, пошлютъ одной
дочь

Сына другой, по сердца ихъ, невинныхъ, невин-
ной любовью

Крѣпко связать и молишь Гименея и бога Эроша,
Да уподобяшь ихъ жизнь двумъ источникамъ, вмѣстѣ
пекущимъ,

Иль виноградной лозѣ и сошкѣ прямой и высокой.
Вѣрной опорой служишь одна, украшеньемъ дру-
гая ;

Если жь двѣ дочери, или два сына родятся, весь
пламень

Дружбы своей перелишь въ ихъ младыя, невинныя
души.

Мы родились : нами матери часно мѣнялись,
Каждая сына другой сладкомлечною грудью пи-
шала ;

Впили мы дружбу и первое, что лишь запомнилъ
я — пы былъ ;

Съ первымъ чувствомъ во мнѣ развилася любовь къ
Палемону.

Выросли мы — и въ жизни много опышовъ шяж-
кихъ

Боги на насъ посылали, мы дружбою все усла-
дили. —

Скорь и пылокъ я съ молоду былъ, меня все по-
ражало,

Все увлекало; — пы крошокъ, шихъ и съ шер-
пѣньемъ чудеснымъ,

Свойспвеннымъ полько богамъ, милосердымъ къ
Япешовымъ дѣшямъ.

Часто тебя оскорблялъ я, — смиренно сносишь пы,
мнѣ даже,

Мнѣ не давая замѣшишь, что я поразилъ швое
сердце.

Помню, какъ нынѣ, прощенья просилъ я и плакалъ,
пы жь, другъ мой,

Вдвое рыдалъ моего и крѣпко меня обнимая,

Ты виноватымъ казался, не я. — Вошь каковъ пы
душою!

Ежели всѣ меня любяшь, любяшь меня по тебѣ же:

Ты сокрывалъ мои слабоси; малое доброе дѣло

Ты выславлялъ и хвалилъ: ты былъ все для меня,
и съ тобою

Долгая жизнь пролѣтъла, какъ вечеръ веселый въ
разказахъ.

Счасливъ я былъ! не боюсь умереть! предчувств-
вуешь сердце

Мы не надолго разстанемся: — скоро мы будемъ
обнявшись

Вмѣстѣ гулять по садамъ Элисейскимъ и съ новою
шѣнью

Вспрѣшясь, мы спросимъ: что на землѣ? все такъ ли,
какъ прежде?

Други такъ ли тамъ любящъ, какъ въ старые годы
любили?

Что же услышимъ въ отвѣтъ: по старому родина
наша

Съ новой весною цвѣтеть и подъ осень плодами
неспрѣшетъ,

Но друзей уже нѣтъ подобныхъ бывалымъ; нерѣдко

Слушаль я, старцы, за полною чашей веселыя рѣчи:

«Эшо вино дорогое! — Его молодое хвалили

Славные други, Дамешъ съ Палемономъ; прошли,
пролешъли

Тѣ времена! хошь ищи, не найдешь здѣсь людей имъ
подобныхъ,

Славныхъ и дружбой и даромъ чудеснымъ испы-
вашь вина.»

XLVI.

МУЗАМЪ.

Съ благоговѣйною душой
 Поэтъ, упавши на колѣны,
 И фиміамомъ и мольбой
 Васъ призываетъ, о Камены,
 Въ свой домикъ низкой и проспой!

Придите, дѣвы, воскресишь
 Въ немъ прежній пламень вдохновеній
 И лиру къ звукамъ пробудишь:
 Другъ вашъ и другъ его Евгеній
 Да будешь гласъ ея хвалишь.

Когда жь весна до вѣчныхъ льдовъ
 Прогонишь вьюги и морозы —
 На вашъ алтарь, красу цвѣповъ,
 Положишь первыя онъ розы
 При пѣньи радостныхъ стиховъ.

XLVII.

ЭПИГРАММА.

Свишокъ изплѣвшій съ прудомъ развернули. Напра-
сны усиля:

Въ старомъ свискѣ прочли книгу извѣстную
всѣмъ.

Юноша! къ Лидѣ ласкаясь, пы стараго по же до-
бьешься:

Лида подь часъ и шебѣ вымолвишь слово:
люблю.

XLVIII.

С М Е Р Т Ь.

Мы не смерти боимся, но съ тѣломъ разсшались
намъ жалко:

Такъ не съ охотою мы старый смѣняемъ ха-
лапъ.

XLIX.

ВЪ АЛЬБОМЪ. =

О сила чудной красоты!
 Къ любви по опыту холодный,
 Я забывалъ, душой свободный,
 Безумной юности мечшы;
 И пѣль поварищамъ угодный
 Вино и дружесшво: — но шы
 Явилась, душу мнѣ для муки пробудила
 И лира про любовь ояшь заговорила.

L.

РОМАНСЪ.

Прекрасный день, счастливый день:

И солнце и любовь!

Съ нагихъ полей сбѣжала тѣнь

Свѣплѣтъ сердце вновь.

Проснишесь, рощи и поля;

Пусть жизнью все кипитъ:

Она моя, она моя!

Мнѣ сердце говоритъ.

Чшо вьешься, ласпочка, къ окну,
 Чшо, вольная, поешь?
 Иль ты щебечешь про весну
 И съ ней любовь зовешь?
 Но не ко мнѣ, и безъ тебя
 Въ пѣвцѣ любовь горитъ:
 Она моя, она моя!
 Мнѣ сердце говоритъ.

II.

РОМАНСЪ.

Не говори: любовь пройдетъ,
 О томъ забышь пвой другъ желаетъ;
 Въ ея онъ вѣчнось уповаетъ,
 Ей въ жертву счастье отдаетъ.

Зачѣмъ гасить душъ моей
 Едва блеснувшія желанья?
 Хошь мигъ позволь мнѣ безъ ропшанья
 Предаться нѣжности пвоей.

За что спрадать? что мнѣ въ любви
 Доспалось отъ небесъ жестокихъ
 Безъ горькихъ слезъ, безъ ранъ глубокихъ,
 Безъ ушомишельной тоски?

Любви дни крапкіе даны,
 Но мнѣ не зрѣть ея оспылой;
 Я съ ней умру, какъ звукъ унылой
 Внезапно порванной струны.

LII.

Э П И Т А Ф І Я. —

Что жизнь его была? тяжелый сонъ; R

Что смерть? опъ грёзъ ужасныхъ пробужденъе:

Въ просонкахъ улыбнулся онъ

И снова, можешь бышь, шамъ началъ сновидѣнье.

LIII.

В Н В А К Р Х Ъ. У Ч

Прощай, Киприда, Богъ съ тобою!

Съ фіаломъ счастливь я:

Двоихъ дружишь ты межъ собою,

А Вакхомъ всѣ друзья.

LIV.

РУСКАЯ ПѢСНЯ.

Сиропинушка, дѣвушка,
Полюби меня молодца,
Полюбя приголубливай,
Мои кудри разчесывай.
Хорошо цвѣтку на полѣ,
Любо пшашечкѣ на небѣ:
Сиропинушкѣ, дѣвушкѣ
Веселѣй того съ молодцомъ.
У меня въ дому волюшка,
Опѣ бѣды оборонушка,
Что опѣ дождичка кровелька,
Опѣ жары дневной спавеньки,

Опѣ лихой же разлучницы

Опъ лукавой укащицы

На воропахъ замѣкъ висить,

Въ подворошенку песь глядишь.

LV.

РУСКАЯ ПѢСНЯ.

Скучно, дѣвушки, весною жишь одной:
Не съ кѣмъ сладко побесѣдовать молодой.
Сиропинушка, на всей землѣ одна,
Подгорюнясь ли присядешь у окна —
Подъ окошкомъ все такъ весело глядишь
И мнѣ душу по веселіе поминишь:
То веселье — не веселье, а любовь,
Опъ любви шой замираешь въ сердцѣ кровь.
И я выду во широкія поля —
Съ нихъ ли нѣгой такъ и вѣешь на себя:
Свѣжій запахъ каждой правки полевой
Вредень дѣвицѣ весеннею порой,

Хочешь съ кѣмъ-то эшимъ запахомъ дышать

И другимъ устамъ его передавать;

Бѣлой груди чѣмъ-то сладкимъ шажело,

Голубымъ очамъ при солнцѣ не свѣшло.

Больно, больно безнадежной посковать!

И я кинусь на песовую кровать,

Къ изголовью правой щечкою прижмусь

И горячими слезами обольюсь:

Какъ при солнцѣ лѣпомъ дождикъ пошумитъ,

Травку вспрыснешъ, но ее не освѣжитъ,

Такъ и слезы не свѣжатъ меня, молодой;

Скучно, дѣвушки, весною жить одной!

LVI.

п у ш к и н у.

Кто, какъ лебедь цвѣщущей Авзоніи,
 Осѣненный и миршомъ и лаврами,
 Майской ночью при хорѣ порхающихъ,
 Въ сладкихъ грезахъ ошвился отъ мащери:

Тотъ въ совѣсахъ не мудрствуешь; на спѣны
 Побѣжденных знамена не вѣшаешь;
 Сполбъ, кормами судовъ непріятельскихъ
 Онъ не красишь предъ храмомъ Ареевымъ;

Флошь, съ несчетнымъ богатствомъ Америки,
 Съ тяжкимъ золошомъ, купленнымъ кровію,
 Не взмущаетъ двукрапы Экватора
 Для него кораблями бѣгущими.

Но съ младенчества онъ обучается
 Возпѣвашъ красоты поднебесныя
 И ланишы его ошъ привѣшствія
 Удивленной толпы горятъ пламенемъ.

И Паллада шуманное облако
 Разсѣваетъ ошъ взоровъ — и въ юности
 Онъ ужъ видишь священную истину
 И порокъ, изъ-подлбья взирающій!

Пушкинъ! Онъ и въ лѣсахъ не укроется;
 Лира выдастъ его громкимъ пѣніемъ
 И ошъ смершныхъ восхишитъ безсмертнаго
 Аполлонъ на Олимпѣ торжествующій.

LVII.

Х А Т А.

Скрой меня, бурная, ночь! замешай слѣды мои выюга,
 Въперъ холодный, бушуй вокругъ хашы Лилеши пре-
 красной,

Мѣсяцъ свѣши, не свѣши — а дорогу навѣрно лю-
 бовникъ

Къ робкой подругѣ найдешь.

Тихо дверь отворись! о Лилеша, швой милый съ
 тобою,

Нѣжной, лилейной рукой ты къ сердцу его прижи-
 маешь;

Что же съ перстомъ на устахъ, боязливая, смо-
 пришь на друга?

Или швой Аргусъ не спишь?

Богъ ушѣшишь, Морфей, будь хранителемъ шайнь

Амура!

Сны, гошовые насъ разлучишь до скучнаго ушра,
Роемъ тяжелымъ скорѣй опустишь на хладное ложе

Аргуса милой моей.

Намъ ли спрашишься любви! счастливецъ, мой по-
цѣлуй

Сладко ее усыпять подъ шумомъ порывистымъ въшра;

Тихо пробудить ее съ предвѣстницей юнаго ушра

Пламенный мой поцѣлуй!

LVIII.

РОМАНСЪ.

« Сегодня я съ вами пирую , друзья ,

Веселье намъ пѣсни заводить

А завтра , быть можетъ , тамъ буду и я

Откуда ни кто не приходитъ ! »

Я такъ беззаботнымъ друзьямъ говорилъ

Давно — но опъ самага дѣшсхва

Печаль въ безпокойномъ я сердцѣ шайль

Предвѣсъемъ грядущаго бѣдсхва.

Друзья мнѣ смѣялись и свѣжій вѣнецъ

На кудри мои надѣвая:

« Стыдись, восклицали, мечпашель - пѣвецъ!

Измѣнишь ли жизнь молодая! »

Война запылала, къ роднымъ знаменамъ

Друзья какъ на пиръ полетѣли:

Я съ ними — но жребьи враждебные намъ

Мнѣ съ ними распашься велѣли.

Въ бездѣйствіи тяжкомъ я думой слѣдилъ

Ихъ битвы, предпечи побѣды;

Ихъ славою часто я первый живилъ

Родителей грустныхъ бесѣды.

Года пролепали, я часто въ слезахъ

Быль черной повязкой украшенъ....

Брань стихла, гдѣ жь други? лежатъ на поляхъ,

Близъ ими разрушенныхъ башень.

Съ пѣхъ поръ я печально сажу на пирахъ,
 Гдѣ все мнѣ твердишь про бывшее;
 Дрожишь моя чаша въ ослабшихъ рукахъ:
 Мнѣ пѣжко веселье чужое.

LIX.

КЪ МАЛЬЧИКУ.

Мальчикъ, солнце встрѣпишь должно
 Съ торжествомъ въ концѣ пировъ!
 Принеси же оспорожно
 И скорѣй изъ погребовъ:
 Въ кубкахъ длинныхъ и тяжелыхъ,
 Какъ любила старина,
 Нашихъ прадѣдовъ веселыхъ
 Пережившаго вина.

Не забудь края злашые
 Плющемъ, розами увишь!
 Весело въ года сѣдые
 Чашей молодости пишь,
 Весело, хошь на мгновенье
 Бахусомъ наполнивъ грудь,
 Обманушь воображенье
 И въ былое заглянушь.

LX.

ПЕРВАЯ ВСТРѢЧА.

Мнѣ минуло шеснадцать лѣтъ,

Но сердце было въ волѣ;

Я думала: весь бѣлый свѣтъ

Нашъ боръ, пошокъ и поле.

Къ намъ юноша пришелъ въ село:

Кто онъ? откуда? не знаю —

Но все меня къ нему влекло,

Все мнѣ швердило: знаю!

Его кудрявые власы

Вкругъ шеи обвивались,

Какъ макъ сіяешь опъ росы,

Сіяли, рассыпались.

И взоры пламенны его

Мнѣ что-то изъясняли;

Мы не сказали ничего,

Но ужь другъ друга знали.

Куда пойду — и онъ за мной.

На долгую ль разлуку?

Не знаю! только онъ съ поскою

Безмолвно жаль мнѣ руку.

«Что хочешь ты?» спросила я,

«Скажи, паспухъ унылой?

И съ жаромъ обнялъ онъ меня

И тихо назвалъ милой.

И мнѣ бѣ тогда его обнять!

Но рукъ не поднимала,
На перси потупила взглядъ,
Краснѣла, препешала.

Ни слова не сказала я;

За что жь ему сердиться?
Зачѣмъ покинулъ онъ меня?
И скоро ль возвратится?

LXI.

П Ъ С Н Я.

« Дѣдушка! » дѣвицы
 Разъ мнѣ говорили:
 « Нѣтъ ли небылицы,
 Иль спаринной были? »

— Какъ не бышь! — уныло,
 Краснымъ ошвѣчалъ я,
 Сердце васъ любило:
 Такъ чего не зналъ я!

Было время! гдѣ вы,
Годы золошые?
Какъ плѣняли дѣвы,
Въ ваши дни былые!

Ужъ онѣ — спарушки;
Но опѣ нихъ, порою,
Много на подушки
Слезъ пролишо мною.

Душу волновали
Ихъ усша и очи,
По огню бѣжали
Дни мои и ночи. —

« Дѣдушка , » шолпою
Дѣвицы вскричали,
« Жаль намъ , а шобою
Бабушки играли!

Какъ не стыдно! злая,
Вопъ надъ кѣмъ шутили!
Нѣтъ, мы не такія,
Мы бѣ тебя любили!»

— Вы бѣ любили? сказки!
Вѣры мнѣ неймется!
И на ваши ласки
Дѣдушка смѣется. —

LXII.

КЪ ДІОНУ.

Сядемъ, любезный Діонъ, подъ сѣнью развѣсистой
рощи,

Гдѣ прохлажденный въ тѣни, сверкая, спремимся
испочникъ:

Тамъ позабудемъ на время заботы мірскія и Вакху
Вечера часъ посвяшимъ.

Мальчикъ, наполни фіаль фалернскимъ виномъ искро-
мешнымъ!

Въ честь вѣчноюному Вакху осушимъ мы дно золошое;
Въ чашѣ, обвишой вѣнкомъ, принеси дары щедрой
Помоны,

Вкусны, румяны плоды.

Тщешно юность спѣшишь удержашь преспарѣлаго
Хрона,
Просишь, молишь его: не внимая, онъ далѣе
мчишься;
Маленькій только Эрошъ смѣется, поешъ, и сѣ-
даго
За руку взявши, бѣжишь.

Что намъ въ жизни сей крапкой за тщешною сла-
вой гоняшься,
Вѣчно въ трудахъ только жишь, не видишь веселій
до гроба? —
Боги для счастья намъ и веселія дни даровали,
Для наслажденій любви.

Пой, въ хороводъ дѣвицъ бѣлогрудыхъ, пѣсни веселью,
Прыгай подъ звонкую флейшу, сплещяся руками,
кружися
И твоя жизнь пропечешь, какъ быстро въ зеленой
долинѣ
Скачешь и вьется ручей.

Другъ, за лавровый вѣнокъ не кланяйся гордымъ

Припанами.

Пусть за слѣпою богиней Лициній гоняется вѣчно,

Пусть и обниметъ ее. Фортуна косы всеразящей

Не ошвратишь опъ главы.

Что намъ богашества искашь? имъ счастья себѣ не

прикупимъ:

Всѣхъ на одной ладѣ, и бѣднаго Ира и Креза,

Въ мрачное царство Плутона, чрезъ волны ужаснаго

Спикса

Спарый Харонъ ошвезетъ.

Сядемъ, любезный Діонъ, подъ сѣнью развѣсистой

рощи,

Гдѣ прохлажденный въ тѣни, сверкая, спремимся

испосникъ:

Тамъ позабудемъ на время заботы мірскія и Вакху

Вечера часъ посвяшимъ.

LXIII.

Э Л Е Г І Я.

Когда, душа, просилась ты
Погибнуть иль любить,

Когда желанья и мечты

Къ тебѣ тѣснились жишь,

Когда еще я не пилъ слёзъ

Изъ чаши бытія:

Зачѣмъ тогда, въ вѣнкѣ изъ розъ,

Къ тѣнямъ не опбылъ я!

Зачѣмъ вы начерпались шакъ
На памяпи моей,
Единый молодости знакъ,
Вы, пѣсни прошлыхъ дней!

Я горько долы и лѣса
И милый взглядъ забылъ:

Зачѣмъ же ваши голоса
Мнѣ слухъ мой сохранилъ!

Не возвращите счастья мнѣ,
Хоть дышитъ въ васъ оно!

Съ нимъ, въ промелькнувшей спаринѣ,
Проспился я давно.

Не нарушайте жь, я молю,

Вы сна души моей

И слова спрашнаго: люблю

Не повторяйте ей!

LXIV.

КОНЕЦЪ ЗОЛОТАГО ВѢКА.

Идиллія.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Нѣтъ, не въ Аркадіи я! Пасхуха заунывную
 пѣсню
 Слышашь бы должно въ Египтѣ, иль Азіи средней,
 гдѣ рабство
 Грустною пѣсней привыкло существенность тяжкую
 пѣшишь.
 Нѣтъ, я не въ обласи Реи! о боги веселья и
 счастья!

Можешь ли въ сердцѣ, исполненномъ вами, найтис-
 ся начало
 Звуку единому скорби мятежной, крику напа-
 сти?

Гдѣ же и какъ, ты, Аркадскій пастухъ, воспѣваешь
 научился
 Пѣсню, прошивную вашимъ богамъ, посылающимъ
 радость?

П а с т у х ъ.

Пѣсню, прошивную нашимъ богамъ! Путешествен-
 никъ, правъ ты!
 Точно, мы счастливы были, и боги любили счаст-
 ливыхъ:

Я еще помню оное свѣтлое время! но счастье
 (Послѣ узнали мы), гость на землѣ, а не житель
 обычной.

Пѣсню же эпу я выучилъ здѣсь: а съ нею впер-
 вые
 Мы услышали и голосъ несчастья и бѣдныя дѣти,

Думали мы, опъ него земля развалишся и солнце,
Свѣшное солнце погаснешъ! Такъ первое горе
ужасно!

Путешественникъ.

Боги, такъ вопъ гдѣ впослѣднее счастье у смерт-
ныхъ госшило!

Здѣсь его слѣдъ не пропасть еще. Спарецъ, пасхухъ
сей печальный

Быль на прѣводахъ госши, кошораго тщешно ис-
каль я

Въ дивной Колхидѣ, въ спранахъ Апланшидовъ,
Гипербореевъ,

Даже у края земли, гдѣ обильное розами льшо
Крашче зимы Африканской, гдѣ солнце съ весною
проглянешъ,

Съ осенью въ море уходишь, гдѣ люди на шемную
зиму

Сномъ непробуднымъ, въ звѣриныхъ укрывшись мѣ-
хахъ, засыпающъ.

Чѣмъ же, скажи мнѣ, пастухъ, вы прогнѣвали бога
Зевеса?

Горе раздѣль улаждаешь; повѣдай мнѣ горькую
повѣсть

Пѣсни твоей заунывной? несчастье меня научило
Живо несчастью другихъ соспрадать. Жестокіе
люди

Съ дѣтства гоняшь меня далеко отъ родимаго града.

Пастухъ.

Вѣчная ночь поглоти города! Изъ вашего града
Вышла бѣда и на бѣдную нашу Аркадію! сядемъ,
Здѣсь, на семь берегъ, прошивъ плащана, котораго
вѣшви

Долгою тѣнью кроюшь рѣку и до насъ достигаюшь. —
Слушай же, пѣсня моя тебѣ показалась унылой?

Путешественникъ.

Грустной, какъ ночь!

П а с т у х ъ .

А ее Амарилла прекрасная пѣла.

Юноша, къ намъ приходившій изъ города, эшу

пѣсню

Выучилъ пѣшь Амариллу, и мы, незнакомые съ

горемъ,

Звукамъ незнаемымъ весело, сладко внимали.

И кто бы

Сладко и весело ей не внималъ? Амарилла, пас-

пушка

Пышноволосая, стройная, счастье родителей спа-

рыхъ;

Радость подружекъ, любовь паспуховъ, была уди-

вление,

Рѣдкое Зевса швореніе, чудная дѣва, копорой

Зависть не смѣла коснуться и злоба, зажмурясь,

бѣжала.

Сами паспушки съ ней не равнялись и ей уступали

Первое мѣсто съ прекраснѣйшимъ юношей въ пляс-

кахъ вечернихъ :

Но хариты - богини живутъ съ красоюй нераз-
лучно :

И Амарилла всегда опклонялась опъ чести излиш-
ней.

Скромность въ замѣнь предпочтенья любовь опо
всѣхъ получала.

Спарцы опъ радости плакали, ею любуясь, покорно
Юноши ждали, кого Амарилла сердцемъ замѣшитъ?
Кто изъ прекрасныхъ, младыхъ паспуховъ назовешся
счастливецемъ?

Выборъ упаль не на нихъ! Клянуса богомъ Эро-
помъ ,

Юноша, къ намъ приходившій изъ города, нѣжный
Мелешій ,

Сладкорѣчивый, какъ Эрмій, былъ Оебу красою по-
добень ,

Голосомъ Пана искуснѣй! Его полюбила паспушка.

Мы не роптали! мы не винили ее! мы въ забвеньи

Даже думали глядя на нихъ: «вошь Арей и Киприда

Ходящъ по нашимъ полямъ и холмамъ; онъ въ шлемѣ

блещащемъ ,

Въ маншіи пурпурной, длинной, небрежно спустив-
шейся сзади,

Сжапой камнемъ драгимъ на плечъ бѣлоснѣжномъ.

Она же

Въ легкой одеждѣ пашушки простой, но не кровь, а
безсмертье

Видно неменѣе въ ней протекаетъ по членамъ не-
плѣннымъ.»

Кто жь бы дерзнулъ и помыслилъ изъ насъ, что
душой онъ коварень,

Что въ городахъ и образъ прекрасный и кляшвы
пресупны.

Я былъ младенцемъ тогда. Бывало, обнявши ру-
ками

Бѣлыя, нѣжныя ноги Мелешіа, смирно сажу я,

Слушая кляшвы его Амариллѣ, ужасныя кляшвы

Всѣми богами: любишь Амариллу одну и съ нею

Жить неразлучно у нашихъ ручьевъ и на нашихъ
долинахъ.

Кляшвамъ свидѣтелемъ я былъ; Эроповымъ сладо-
спнымъ пайнамъ

Гамадриады присущственны были. Но что жь? и

весны онъ

Съ нею не прожилъ, ушелъ не возвратно! Сердце

простое

Черной измѣны постичь не умѣло. Его Амарилла

День и другой и прешій ждетъ, все напрасно! о

всемъ ей

Грустные мысли приходятъ, кромѣ измѣны: не

вепрь ли

Какъ Адониса, его разперзалъ; не раненъ ли въ спорѣ

Онъ за игру, всѣхъ ловче тяжелые круги мешая?

« Въ городъ, слышала я, обихаютъ болѣзни! онъ

боленъ! »

Упрямъ четвертымъ вскричала она, обливаясь сле-

зами,

« Въ городъ къ нему побѣжимъ мой младенецъ! »

И сильно схватила

Руку мою и рванула и съ ней мы какъ вихрь по-

бѣжали.

Я не успѣлъ, мнѣ казалось, дохнуть и ужъ городъ

предъ нами

★

Каменный, многообразный, съ садами, столпами
открылся;

Такъ облака передъ завтрешней бурей на небѣ ве-
чернемъ

Разные виды съ опливами красокъ чудесныхъ при-
емлюшь.

Дива шакого я и невидываль! Но удивленью
Было не время. Мы въ городъ вбѣжали и громкое
пѣнье

Насъ поразило — мы спали. Видимъ: подпой передъ
нами

Спройныя жены проходяшь въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ,
покрывалахъ.

Зеркало, чаши злапыя, ларцы изъ кости слоновой
Женщины чинно за ними несутъ. А младыя ра-
быни

Рѣзвыя, громкоголосыя, съ персей по поясъ нагія,
Около блещушь очами лукавыми въ пляскѣ веселой,
Скачущъ, кто съ бубномъ, кто съ ширсомъ, одна жъ
головою кудрявой

Длинную вазу несешь и подь пѣсню шарелками
плещешь.

Ахъ, путешественникъ добрый, что намъ рабыни
сказали!

Спройныя жены вели изъ купальни младую супругу
Злаго Мелешія.— Сгибли желанья, исчезли надежды!

Долго въ толпу Амарилла смопрѣла и вдругъ за-
шатавшись

Пала. Холодъ въ рукахъ и ногахъ и грудь безъ ды-
ханья!

Слабый ребенокъ, не зналъ я, что дѣлать. Опъ мысли
ужасной

(Страшной и нынѣ вспомнишь): что болѣе нѣтъ
Амариллы—

Я не плакалъ, а чувствовалъ: слезы, сгустившись
въ камень

Жали внутри мнѣ глаза и горячую голову гнули.

Но еще жизнь въ Амариллѣ къ несчастью ея пла-
менѣла:

Грудь у нея поднялась и забила, лице загорѣ-
лось

Темнымъ румянцемъ, глаза,] на меня проглянувъ,
 помушились,

Вопъ и вскочила, вопъ побѣжала изъ города, будшо
 Гнали ее Эвмениды, суровыя дѣвы Айдеса!

Быль ли младенецъ я въ силахъ догнашь злополуч-
 ную дѣву!

Нѣшъ Я нашель ужъ ее въ сей рошѣ, за эшой
 рѣкою,

Гдѣ искони возвышается жершвенникъ богу Эрошу,
 Гдѣ для священныхъ вѣнковъ и цвѣшникъ разведенъ
 благовонный,

(Вешарь, чешою счастливой!) и гдѣ ты не разъ,
 Амарилла,

Съ вѣрою сердца невиннаго, кляшвамъ преступнымъ
 внимала.

Зевсъ милосердый! съ визгомъ какимъ и съ какою
 улыбкой

Въ рошѣ сей пѣсню она выводила! сколько съ кор-
 нями

Разныхъ цвѣшовъ въ цвѣпникѣ нарвала, и какъ бы-

спро плела ихъ!

Скоро спранный нарядъ изгопвила. Цѣлыя вѣшви,

Розами пышно облишья, словно роги порчали

Дико изъ вязей вѣнка многоцвѣшнаго, чудноболь-

шаго;

Плющъ же широкій, цѣпями съ вѣнка по плечамъ

и по персямъ

Длинный спадалъ и шумя по землѣ волочился за нею.

Такъ разодѣшая, важно, съ поспуью Иры богини,

Къ хижинамъ нашимъ пошла Амарила. Приходишь;

и что же?

Мать и отецъ ее не узнали; запѣла, и въ сшарыхъ

Трепешомъ новымъ забились сердца, предвѣщапелемъ

горя.

Смолкла—и въ хижину съ хохопомъ дикимъ вбѣжала,

и съ видомъ

Грушнымъ спала просишь удивленную маперь:

«родная,

Пой, если любишь шы дочь, и пляши: я счасп-

лива, счасплива!»

Мать и отецъ, не понявъ, но услышавъ ее, зарыдали.

«Развѣ была ты когда несчастлива, дитя дорогое?»

Дряхлая мать, съ напряженіемъ слезы унявъ вопро-
сила.

«Другъ мой здоровъ! я невѣста! изъ города пыщ-
наго выйду!»

Сстройныя жены, рѣзвыя дѣвы на встрѣчу невѣстѣ!

Тамъ, гдѣ онъ молвилъ впервые: люблю, Амарилѣ
паспушкѣ,

Тамъ, изъ подъ тѣни завѣтнаго древа, счастливица
вскрикну:

Здѣсь я, здѣсь я! Вы, стройныя жены, вы, рѣз-
выя дѣвы!

Пойте: Гимень, Гименей! и ведите невѣсту въ
купальню.

Что жъ не поете вы, что жъ вы не пляшете!

Пойте, пляшите!»

Скорбныя старцы, глядя на дочь, безъ движенія
сидѣли,

Словно мраморъ обильно обрызганный хладной ро-
сою.

Еслибъ не дочь, но иную паспушку привель Жиз-
 недавецъ
 Видѣшь и слышашъ такой, пораженной небесною
 карой,
 То и тогда бѣ превратились злосчастные въ пом-
 носшенищій,
 Слезный испочникъ — нынѣ жъ, шихо склоняся другъ
 къ другу
 Сномъ послѣднимъ заснули они. Амарилла запѣла,
 Гордымъ взоромъ нарядъ свой окинувъ и къ древу
 свиданья,
 Къ древу любви измѣнившей пошла. Паспухи и па-
 спушки,
 Пѣсней ея привлеченные, весело, шумно сбѣжа-
 лись,
 Съ нѣжною ласкою къ ней ненаглядной, любимой
 подругѣ.
 Но — нарядъ ея, голосъ и взглядъ... Паспухи и пас-
 пушки
 Робко назадъ опшашнулись и молча въ кусты раз-
 бѣжались.

Бѣдная наша Аркадія! Ты ли тогда измѣнилась,
 Наши ль глаза, въ первый разъ увидавшіе близко
 несчастье,
 Мрачнымъ туманомъ подернулись? Вѣчно-зеленая
 сѣни,
 Воды кристальныя, всѣ красоты свои спрашно
 поблекли.

Дорого боги цѣняшь дары свои! Намъ ужъ не ви-
 дѣшь

Снова веселья! Если бъ и Рея съ милостью прежней
 Къ намъ возвратилась, все было бъ напрасно! Ве-
 селье и счастье

Схожи съ первой любовью. Смертный одинажды въ
 жизни

Можешь упишься ихъ полною, дѣвственной сладостью!
 Знаешь ты

Счастье, любовь и веселье? Такъ понялъ, и смолк-
 нѣмъ объ ономъ.

Спрашно поющая дѣва стояла уже у плапана,
 Плющъ и цвѣты съ наряда рвала и ими прилежно
 Древо свое украшала. Когда же нагнулася съ берега,

Смѣло за пруть молодой ухваившись, что бѣ цѣ-
пью цвѣтучной

Эту вѣшвъ обвязавъ, до насъ доспающую пѣнью,
Пруть, запрещавъ, обломился и съ берега она по-
лещѣла

Въ волны несчастныя. Нимфы ли водъ, красоту
сожалѣя

Юной паспушки, спаси ее думали, плащѣ ль
сухое,

Кругомъ широкимъ поверхность воды обхвачивъ,
не давало

Ей ушнущь? не знаю, но долго, подобно Наядѣ,
Зримаю только по грудь, Амарила спремленьемъ
неслася,

Пѣсню свою разпѣвая, не чувствуя гибели близкой,
Словно во влагѣ рожденная древнимъ опцемъ Оке-
аномъ.

Грустную пѣсню свою не окончивъ — она попо-
нула.

Ахъ, путешественникъ, горько! ты плачешь! бѣги
же отсюда!

Въ земляхъ иныхъ ищи ты веселья и счастья!
Уже ли

Въ міръ ихъ нѣтъ, и отъ насъ, отъ послѣднихъ ихъ
позвали боги! —

ПРИМѢЧАНІЕ.

Чишапели замѣчаютъ въ концѣ сей идилліи близкое
подражаніе Шекспирову описанію смерти Офеліи.
Сочинитель, благоговѣя къ поэпическому дару велика-
го Британскаго прагика, радуется, что могъ по-
впорить одно изъ прелеснѣйшихъ его созданій.

LXV.

Э П И Л О Г Ъ.

Такъ пѣвалъ безъ принужденья,
Какъ на вѣпкѣ соловей,
Я живыя впечатлѣнья
Полной юности моей.
Счасливъ другомъ, милой дѣвы
Все искалъ душою я —
И любви моей нацѣвы
Долго кликали тебя.

LXV.

Э П И Г Р А М

Тяжело везти изнурённого

Пару на вьюгах голубых

И жавых перелётных

Полной юности мочи

Свиставшей вихрь, милой зды

Росею вьюною и

И вьюгой вьюною

Лето кинуло вьюгу

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Идилліи.

	Стр.
Дамонъ	7
Купальницы.....	42
Тиширь и Зоя.....	65
Цефизъ.....	97
Друзья.....	113
Конецъ золотого вѣка.....	156

Пѣсни и романсы.

Друзья, друзья, я Неспоръ между вами.....	30
Соловей мой, соловей.. ..	32
Пѣла, пѣла ппашечка.....	34
Други, други радость.....	38
Наяву и въ сладкомъ снѣ	67
Вчера вакхическихъ друзей	69
Одинокъ мѣсяцъ плыль	72
Чшо, красопка молодая.....	89

	Стр.
Ахъ, ты ночь ли, ноченька.....	92
Голова ль моя, головушка.....	107
Только узналъ я тебя.....	111
Прекрасный день, счастливый день.....	126
Не говори: любовь пройдетъ.....	128
Сиропинушка, дѣвушка.....	132
Скучно, дѣвушки, весною жить одной.....	134
Сего дня я съ вами пирую, друзья.....	140
Дѣдушка! дѣвицы.....	148

Сонеты.

Вдохновеніе	81
Злапыхъ кудрей пріятная небрежность	83
Н. М. Языкову.....	85
С. Д. П — ой.....	87

Разныя Стихотворенія.

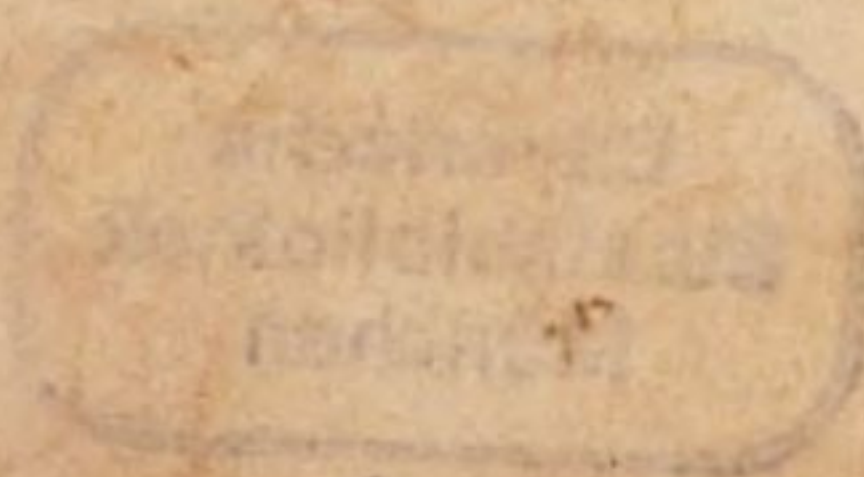
Опвѣтъ.....	14
Двѣ звѣздочки.....	17
Геній хранищель	20
На смерть В — ва.....	23

О Г Л А В Л Е Н І Е.

III

Стр.

Н. И. Гнѣдичу.....	25
Эпишафія.....	26
Въ альбомѣ А. Н. В — фъ.....	27
Въ альбомѣ С. Г. К — ой.....	29
Луна.....	36
На смерть собачки: Амики.....	40
Къ Лилепѣ.....	55
Къ Доридѣ.....	57
Хоръ.....	59
Надпись на спальную Флореншинскаго Меркурія	62
+ Къ Амуру.....	63
+ Жалоба.....	71
Сонъ.....	74
Разочарованіе.....	77
На смерть * * *.....	79
Домикъ.....	95
Диеирамбъ.....	101
Мы.....	104
Упѣшеніе.....	105
Къ ппичкѣ, выпущенной на волю.....	106
Роза.....	109
Музамъ.....	121

	Стр.
Эпиграмма.....	123
Смерть.....	124
Въ альбомъ.....	125
Эпишафія.....	130
Вакхъ.....	131
Пушкину.....	136
Хапа.....	138
Къ мальчику.....	143
Первая встрѣча.....	145
Къ Діону.....	151
Элегія.....	154
Эпилогъ.....	173

О П Е Ч А Т К И :

Стран.	стихъ	Напечатано:	Чишай:
8	6	у него	у него
13	2	взглянулъ и промолвилъ	вздохнулъ и промолвилъ
36	5	вздохнулъ	вздогнулъ
69	1	Вакхическихъ	вакхическихъ

Del'vig, Anton A.,

Stichotverenija Barona Del'viga

Sanktpeterburg 1829

P.o.russ. 63 p

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610093-2